

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Г.Ю.ИВАКИН

**КИЕВ
В XIII—XV ВЕКАХ**

**КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1982**

Впервые в научно-популярной литературе освещаются вопросы истории Киева XIII—XV вв., экономического и политического развития города, его письменности и культуры.

Для широкого круга читателей.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
С. З. Заремба

Рецензенты
доктор архитектуры
Ю. С. Асеев,
кандидат исторических наук
С. А. Беляева

Редакция научно-популярной литературы

И 0507000000 БЗ-43-2-81
М221(04)-82

© Издательство «Наукова думка», 1982

OCR – Aspar, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ
КИЕВ И НАШЕСТВИЕ БАТЬЯ
КИЕВ ПОД ВЛАСТЬЮ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КИЕВА В XIV—XV ВВ.
КИЕВСКИЕ ремесла и торговля
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ КИЕВА XIV—XV ВВ.
КУЛЬТУРА КИЕВА
ЛИТЕРАТУРА

К ЧИТАТЕЛЮ

Много неизвестного в истории древнего Киева, в частности в его истории XIII—XV вв. Истории и археологии этого периода не было посвящено практически ни одной научно-популярной книги. Нельзя сказать, что вообще не касались этой проблематики, однако чаще всего рассматривали те или иные вопросы топографии древнего Киева либо историю отдельных памятников монументального зодчества. В истории города XIII—XV вв. многое оставалось невыясненным: территория города и его население, главные вехи политики и экономики, наличие и степень сохранности каменных сооружений после 1240 г., имена и время правления князей.

Между тем проблемы развития Киева после нашествия Батыя являются чрезвычайно важными для правильного понимания значения и места древнего города в той сложной политической ситуации, которая сложилась в Восточной Европе в XIII—XV вв. Вопросы истории позднесредневекового Киева тесно связаны с такими кардинальными проблемами, как история заселенности южнорусских земель, происходила ли здесь смена населения, а также каково влияние нашествия на историческое развитие края и его материальную культуру. Вопрос, каким был Киев, что конкретно сохранилось в городе после 1240 г., каково его дальнейшее развитие и новая роль в жизни Восточной Европы, не был решен дореволюционной историографией. Советская историческая наука полностью опровергла мнения как о «положительном» влиянии нашествия Батыя на дальнейшие судьбы Южной Руси, так и о полном запустении и смене населения на этой территории. К правильному решению пришли далеко не сразу, что объясняется прежде всего состоянием изученности исторических источников.

Письменные источники дают богатый материал о событиях только с XVI в. Из-за малочисленности таких сведений по истории Киева XIII—XV вв. особое значение приобретают археологические источники, которые позволяют надежно определить границы города, его площадь, топографическую структуру, интенсивность жизни в каждый период развития.

Если древнерусский Киев археологи исследуют вот уже более 150 лет, то позднесредневековый город стал предметом систематического изучения лишь в последние годы. Большая часть материалов этого периода была обнаружена относительно недавно Киевской экспедицией Института археологии АН УССР.

Новый археологический, эпиграфический и нумизматический материал, появление теоретических разработок в области политической и культурной истории, а также новейшие исследования летописей, юридических документов позволили вплотную подойти к решению многих вопросов истории позднесредневекового Киева.

Автор стремился дать представление о проблемах, стоящих перед исследователями истории Киева этого периода, показать своеобразие политического развития города за время от битвы на р. Калке до рубежа XV—XVI вв., обрисовать жизнь Киева (насколько это позволяют сделать существующие исторические источники) в XIV—XV вв.

КИЕВ И НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ

Киев в начале XIII в. продолжал оставаться крупнейшим политическим и экономическим центром Древнерусского государства. Мнение о якобы имевших место в XII в. упадке и закате древней столицы, столь долго господствовавшее, полностью опровергнуто многочисленными данными археологических раскопок. Лопата археолога добыла бесспорные факты, ярко свидетельствующие о высоком уровне развития ремесел и торговли, каменного зодчества. Все эти материалы подробно описаны и проанализированы в работах Б. А. Рыбакова, М. К. Картера, П. П. Толочко и Ю. С. Асеева.

Об этом свидетельствуют и иностранные письменные источники. Так, германский император Фридрих II (1241 г.) в своих письмах к венгерскому королю Беле IV и английскому королю Генриху III называл Киев «крупнейшим из городов» Руси. Даже в 1246 г. посланец римского папы Иннокентия II Платано де Карпини писал о Киеве как столице Руси. Так же относился к городу и хан Батый, который передал Киев как символ старшинства на Руси великому князю Ярославу Всеволодовичу, а затем его сыну Александру Невскому.

В Киеве продолжалось летописание, жили и творили крупнейшие писатели, выступавшие как пламенные защитники единства Руси. В их произведениях звучит забота о судьбах всей Русской земли, а не только одного Киева. Упомянем, например, архимандрита Печерского монастыря Серапиона, ставшего позднее владимирским епископом, или неведомого нам автора «Слова о погибели Руския земли». Как считают новейшие исследователи, автор «Слова» был киевлянином. И, по мнению А. В. Соловьева, «быть может, он начал это «Слово» в Киеве в 1238 или 1240 г., быть может, и в другом месте, но мысленно он и тогда переносился на киевские горы, в древнюю столицу столь горячо Любимой им Русской земли».

В 1214 г. киевский великокняжеский престол занял Мстислав Романович. Период его правления был временем стабилизации политической обстановки в Киеве и вообще на Южной Руси.

Политическая стабильность способствовала развитию ремесла и торговли, культурной жизни города.

Каким же был Киев в начале XIII в.?

По подсчетам П. П. Толочко, сделанным на основе данных, полученных в результате археологических раскопок, площадь города занимала около 400 га, а численность его населения достигала 50 тыс.

На высоких киевских горах раскинулся Верхний город с многочисленными соборами, дворцами, княжескими и боярскими усадьбами, окруженный мощными земляными валами с деревянными стенами.

А внизу, под горой, кипел жизнью крупнейший ремесленно-торговый посад Киева — Подол, занимавший почти половину территории города (около 200 га). Здесь, в устье Почайны, находилась киевская гавань, торговые фактории купцов из многих древнерусских городов, а также различных стран Европы и Азии. В центре Подола раскинулось знаменитое торжище, служившее также и вечевой площадью.

Центральное ядро города было окружено княжескими и боярскими дворами, крупными монастырями, селами, теснейшим образом связанными с собственно городской территорией. В эту древнекиевскую околицу входили Печерский монастырь, Клов, Выдубичи с княжеским Красным двором, Берестово, Предславино, Щекавица, Дорогожичи, Кирилловский монастырь. Загородный княжеский двор, различные рыбацкие поселения находились на днепровских островах и Левобережье.

50 тыс. человек — много это или мало для города той эпохи? Для сравнения отметим, что Новгород — второй по величине древнерусский город — населяло в XIII в. примерно 30 тыс. человек, Лондон в XIV в. — 35 тыс., развитые города Ганзейского торгового союза — в среднем по 20 тыс. человек. Как видно, Киев не только не уступал, но и значительно превосходил по населению крупные центры западноевропейского средневекового мира. Только Париж (в начале XIII в. — 100 тыс.) значительно превосходил в этом отношении Киев.

В Киеве было около 50 различного типа каменных сооружений. Причем речь идет только о постройках, известных ученым в настоящее время, а ведь сколько их еще скрыто в древней киевской земле! Только за последние годы Киевской экспедицией Института археологии АН УССР обнаружено 10 неизвестных ранее каменных построек X—XVII вв. Последняя из них открыта К. Н. Гупало в 1981 г. на Подоле (ул. Волошская, 23).

Каменное строительство продолжалось в Киеве и в начале XIII в. Восторженную оценку современников вызвало сооружение в 1198—1199 гг. знаменитой подпорной стены на Выдубичах. Михайловский собор XI в. был возведен на террасе высокой горы, нависшей над древним руслом Днепра. Полноводная река, год за годом подмывая массив горы, приближалась к постройке. В 1199 г. по инициативе великого князя киевского Рюрика Ростиславича были начаты работы по укреплению берега реки, предотвращению оползней и гибели здания собора.

«Того бо лета, месяца нуля во 10 день... заложи стену камену под церковью святого Михаила у Днепра иже на Выдобичи. О ней же мнозе недерзьнуша помыслити от древних», — записал автор Киевской летописи игумен Выдубицкого монастыря Моисей. Возводил мощную подпорную стену известный древнерусский зодчий Милонег. Строительство было завершено 24 сентября 1199 г. («в лето 6708. Сверши стену ту, месяца сентября в 24 день»). В этот же день состоялось торжественное освящение нового сооружения в присутствии всей княжеской семьи, монахов, многочисленных киевлян («множество верных кыян»), собравшихся «новаго ради чудеси». Затем князь Рюрик Ростиславич «створи пир не мал и трапезу» и одарил всех присутствовавших «от первых даже и до последних». Все это свидетельствует о неординарности законченного сооружения. Игумен Моисей в своей речи подчеркивал, что такого он еще «и не ведеша и слышати не сподобишася».

В конце XII — начале XIII в. возведена и такая уникальная для древнерусского зодчества постройка, как Ротонда, исследованная в 1975—1976 гг. Я. Е. Боровским и П. П. Толочко. Это было довольно большое (диаметр 20 м) сооружение, украшенное 16 пилястрами. В центре находился мощный столб, на который опирались своды. В ходе раскопок не обнаружено каких-либо находок, имевших культовый характер. По предположению исследователей, здание предназначалось для княжеских и боярских совещаний, приемов иностранных послов и других торжественных событий, связанных с политической и государственной деятельностью.

К этому же периоду относится небольшая каменная церковь на Копыревом конце, изученная П. П. Толочко и Ю. С. Асеевым, а также каменная постройка, обнаруженная в 1981 г. на Подоле. В 1215 г. великим князем киевским Мстиславом Романовичем в районе современной Андреевской церкви была построена Воздвиженская церковь, а около 1228 г. на Подоле возведен собор св. Марии доминиканского монастыря.

Активно развивалось в Киеве ремесленное производство, особенно ювелирное дело. Найдены многочисленные мастерские ремесленников этого времени. Археологи нашли клады, в состав которых входило более 3000 великолепных ювелирных изделий. Тысячами исчисляются различные медные крестики, энколпионы, подвески, перстни: преимущественно они отливались в специальных каменных литейных формочках, которых найдено уже больше ста. В Киеве изготавливались различные изделия из железа, стекла, керамики, камня и кости.

Продукция киевских ремесленников удовлетворяла не только нужды жителей Киева, но и шла на внутренний и зарубежный рынки. Киевские стеклянные браслеты и кубки, энколпионы и пряслица, изделия с эмалями и цилиндрические замки можно встретить в любом древнерусском городе или селении. Киевские изделия обнаружены в Польше и Чехии, Прибалтике и Скандинавии, на Кавказе и в Крыму, на Балканах и территории ФРГ.

Из этого можно сделать вывод, что наряду с ремеслом в Киеве процветала и торговля. Город связывали торговые отношения со многими странами. Поэтому неудивительно, что в Киеве были многочисленные «гости и иноземцы всякого языка». Летописец отмечал: «И ото всех дальних многих царств стекахуся всякие человеци и купцы, и всяких благих ото всех стран бываша в нем». Ослабление Византии после 1204 г. открыло купцам итальянских торговых городов доступ к русским рынкам. Об их торговых связях с Киевом свидетельствуют находки венецианских монет. Одна из них,

обнаруженная при раскопках Десятинной церкви, чеканилась при доже Дондоле (1192—1205),

Продолжалась оживленная торговля с Западной Европой по уже традиционному торговому пути Киев — Краков — Регенсбург. В Регенсбурге (Нижняя Германия) существовала особая корпорация купцов, торговавших с Русью, — «рузариев». Из этого крупнейшего средневекового торгового центра шли дороги в Чехию, Польшу, Венгрию и Русь. По этому пути через Киев и Галич возвращался с востока в Венгрию в 1236 г. доминиканский миссионер брат Юлиан. Имеются сведения и о пребывании в Киеве купцов из Вены.

Находки археологов подтверждают и расширяют сведения письменных источников о торговых и культурных связях Киева с различными западноевропейскими странами. Так, на ул. Большая Житомирская был найден бронзовый литой водолей в виде барана из Нижней Саксонии. Там же отлит еще один найденный в Киеве бронзовый водолей в виде козла. Из области Мааса происходит бронзовая чаша с изображениями ангелов. Из Нижней Саксонии пришла и бронзовая ажурная пластинка с изображением фантастических животных.

На ул. Рейтарской в 1876 г. найден клад, в котором были и две серебряные чаши. Одна из них, с латинской надписью, — южноитальянского происхождения, а другая, с гравировкой и позолотой, сделана в Аахене или Кельне. В Кельне же вырезана из кости и великолепная статуэтка льва, обнаруженная в усадьбе Десятинной церкви. Невдалеке от нее в 1907—1908 гг. выявлена накладка ларца из меди с выемчатой эмалью, гравировкой и позолотой с изображением всадника, выполненная в крупнейшем центре французского ювелирного искусства — Лиможе.

Развитое ремесло, обширная торговля, многочисленные промыслы, богатая сельскохозяйственная округа приумножали богатство города. Значительные материальные ценности сосредоточивались в руках киевских князей, бояр, крупных купцов, монастырей. Об этом красноречиво свидетельствуют находки 60 кладов драгоценных изделий из золота и серебра (для сравнения укажем, что в таком крупном городе, как Чернигов, обнаружено только 5 кладов). Одних лишь серебряных монетных гривн найдено около 270 общим весом более 5 кг (это третья часть монетных гривн XII—XIII вв., весивших около 130 кг, обнаруженных на всей территории Руси).

Анализируя все эти данные, советские исследователи пришли к выводу, что в начале XIII в. Киев продолжал оставаться одним из крупнейших городов Руси, важным экономическим, политическим и культурным центром, располагавшим огромным производственным потенциалом.

Дальнейшее развитие Киева, как и всей Руси, было прервано нашествием кочевников.

В 1223 г. половецкие ханы Даниил Кобякович и Юрий Кончакович попросили русских князей о помощи. Великий князь киевский Мстислав Романович обратился «ко всем князьям руским, червенским и северским», а также к суздальскому князю Юрию Всеволодовичу с призывом объединить свои усилия для отпора новому могущественному врагу.

В Киеве на княжеском снеме (съезде) было решено помочь половцам. По В. Н. Татищеву, под знаменами трех старших князей (киевского Мстислава Романовича, галицкого Мстислава Мстиславича Удалого и черниговского Мстислава Святославича) собралось более 100 тыс. человек, а половцы обещали выставить 50 тыс. воинов. Завоевателей было около 200 тыс. Цифры эти, вероятнее всего, преувеличены, однако несомненно отражают гигантские масштабы битвы на Калке.

Подготовка к битве и сам ее ход наглядно отразили политическую ситуацию, сложившуюся в начале XIII в. на Руси, борьбу и взаимодействие центробежных и центростремительных тенденций, раздиравших Древнерусское государство. Здесь были собраны киевские, черниговские, смоленские, галицкие и волынские полки. Однако

князя так и не смогли договориться о единых действиях. Все сражались поодиночке и были разбиты. Из-за несогласованности действий князей и просчетов половецких ханов в битве на Калке русские дружины потерпели жесточайшее поражение — погибло около 70 тыс. человек. «И бысть плач и туга в Руси и по всей земли, слышамшам сию беду» — записано в Лаврентиевской летописи.

Битва на Калке стала важной вехой в жизни Руси. Недаром памятники куликовского цикла полны упоминаний о ней и просто прямых параллелей. Именно это событие авторы XIV—XV вв. считают началом периода «плача и туги» на Руси. «От тоя бо брани Русская земля уныла», — говорит «Сказание о Мамаевом побоище». От этого события отсчитывают русские книжники время Куликовской битвы: «А от Калатские рати до Мамаева побоища 170 лет» («Задонщина»), «...от Батыя до Кальские рати и до Мамаева побоища лет 158» («Сказание о Мамаевом побоище»). Таким образом, битва на Калке рассматривается как начало иноземного нашествия, после которого до 1380 г., до Куликовской битвы, Русь не могла оправиться. Только на Куликовском поле была смыта кровью та давняя и великая обида, нанесенная Руси.

Завоевательным планам Мамаю был нанесен сокрушительный удар русскими воинами на поле Куликовском. Он с позором бежал и «на Калках», то есть на той самой реке Калке, был окончательно разбит Тохтамышем.

Упоминая о памятниках куликовского цикла, хочется обратить внимание на следующий факт, вероятно, не случайный и отражающий мнение русских книжников о значении Киева на Руси в начале XIII в. В «Сказании о Мамаевом побоище» ордынцы рассказывают Мамаю, «како пленил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимирь, и всю Русь...» Здесь первым среди взятых Батыем русских городов назван Киев, а затем Владимир, хотя, как известно, Владимир захвачен был раньше, в 1238 г. Автор «Сказания» в данном случае несомненно соблюдает принцип иерархического старшинства городов, который еще хорошо знали в XIV—XV вв.

В битве при Калке погиб и великий князь киевский Мстислав Романович. По летописи, на поле брани осталось 10 тыс. киевских воинов. Эти потери серьезно отразились на военном и экономическом потенциале города. Киевский стол захватывали князья, не оставив-Пис заметного следа в истории.

Когда в 1238—1239 гг. орды завоевателей вторглись в Южную Русь и разгромили Чернигов и Переяславль, киевский стол занимал князь Михаил Всеволодович, который ничем не помог гибнущим соседним княжествам.

После взятия Переяславля один из отрядов ордынцев под командованием Менгухана (двоюродного брата Батыя) подошел к левому берегу Днепра против самого Киева. Красота и величие древней столицы Руси произвели огромное впечатление на них: «Меньгуканови же пришедшу сглядат града Киева, ставшу же ему на оной стране Днепра во градка Песочнаго, видив град, удивися красоте его и величеству его».

Менгухан не решился штурмовать Киев и попытался «прельстити» князя Михаила Всеволодовича. Однако киевляне «не послушаша его». Струсивший Михаил бежал в Венгрию.

Киев занял смоленский князь Ростислав Всеволодович, который вскоре был изгнан Даниилом Галицким, посадившим в городе своего наместника — боярина Дмитрия.

Так накануне иноземного нападения Киев остался без князя, а великокняжеский домен был раздроблен на незначительные уделы.

Осенью 1240 г. к Киеву подошел Батый с огромным войском. Пожалуй, впервые для осады города он стянул все свои силы. По показаниям захваченного киевлянами пленника Товрула, под стенами города находились лучшие полководцы: Субудай, Бурундай, Менгухан и «инех бес числа». Войско завоевателей было столь огромным, что, по выражению летописца, от скрипа возов, ржания лошадей и крика верблюдов в городе не было слышно человеческого голоса.

По словам беженцев из Руси, оказавшихся в 1242 г. в Саксонии, завоеватели штурмовали крепости Южной Руси с помощью 32 осадных устройств. Об этом говорит «Хроника» Матфея Парижского. Все они, конечно, были стянуты к Киеву. Ведь даже у сравнительно небольшого Колодяжина было поставлено 12 камнеметов — «пороков».

Главной задачей этой новейшей осадной техники, которую кочевники позаимствовали в Китае, было разрушить участок стены ударами камней. Если это не удавалось, то они стремились сбить с него защитный бруствер, разрушить заборолу, тем лишив защитников прикрытия. Затем осыпали разрушенный участок тучами стрел, чтобы уничтожить всех оставшихся на валу, и бросались в этом месте на штурм.

Так же поступили и при штурме Киева. Главный удар Батый нанес в районе Лядских ворот.

Интересно отметить, что археологическими исследованиями, проведенными в 1981 г. М. А. Сагайдаком и В. А. Харламовым на пл. Октябрьской революции, обнаружены остатки древнерусского оборонительного вала. Его конструкция в принципе была аналогична конструкции вала, примыкавшего к Золотым воротам. Поперек вала размещалось девять дубовых клетей-срубов размером 3,1 X 3,1 м. Клетки плотно набивались утрамбованным грунтом — лессом и глиной. Ширина подошвы вала в этом месте достигала 36 м, высота была около 12 м. В толще древнерусского вала под остатками Печерских ворот XVII и XVIII вв. был выявлен занесенный глиняно-песчаными прослойками древнейший проезд. По мнению исследователей, это и был проезд летописных Лядских ворот, которые, будучи деревянными, не сохранились после 1240 г. Позднее на этом традиционном месте сооружены сначала деревянные, а затем в XVIII в. — каменные Печерские ворота. В настоящее время их остатки законсервированы и для их экспозиции создан специальный музей, который находится в подземном переходе на пл. Октябрьской революции.

Итак, «постави же Баты пороки городу, подле врат Лядских, ту бо бяху пришли дебри; пороком же бес прес-тани бьющим день и ночь, выбиша стены». Батый выбрал это место потому, что укрепления здесь, вероятно, были менее мощными, поскольку перед ними находилось Козье болото, служившее естественным препятствием. Однако враги подошли к Киеву глубокой осенью, когда болото замерзло и превратилось в удобный подход к стенам города.

Полчища Батыея бросились на приступ. Навстречу им устремились киевляне, и начался ожесточенный бой на городском валу: «И возиидоша горожани на избитые стены и ту бяше видити лом копейны и щет скепание, стрелы омрачиша свет побеженным». Силы были неравны, и врагам удалось захватить участок вала («взиидоша татаре на стены»). Однако их потери были настолько велики, что Батый вынужден был дать передышку своему войску. Тем временем киевляне заняли новую линию обороны в «городе Владимира». Воевода Дмитрий, раненный во время штурма валов «города Ярослава», продолжал руководить обороной.

С рассветом бой возобновился с новой силой. Войскам Батыея удалось прорвать оборону в районе Софийских ворот, которые с тех пор стали называться Ба-тыевыми. Последним оплотом киевлян стала Десятинная церковь. Здесь собралось такое множество людей, что, по выражению летописца, от их тяжести обвалились хоры и стены: «Людей же узбегшим на церковь и на комары церковныи, и с товары своими, от тягости повалишася с ними стены церковные». Однако нам кажется справедливым мнение тех ученых, которые считают, что церковь обрушилась не столько от тяжести собравшихся людей, сколько от ударов стенобитных машин.

Сведения о точной дате падения Киева, а также продолжительности его осады в разных источниках не совпадают. Ипатьевская летопись, которая дает наиболее полное и красочное описание этого события, вообще не сообщает числа, когда оно произошло.

По Лаврентиевской летописи, Киев был захвачен 6 декабря. Об этом же говорят Густынская, Воскресенская, Тверская, Никоновская и некоторые другие летописи.

Летописи Псковская, Супрасльская, Авраамки сообщают, что «приидеша татарове к Киеву сентября 5, и стояша под Киевом 10 недель и 4 дни, и едва взяша в ноября в 19, в понедельник». Здесь указывается и продолжительность осады — 10 недель и 4 дня. Плано де Карпини также говорит о том, что Киев был взят лишь после продолжительной осады.

Трудно сказать, в каком из существующих источников содержатся наиболее достоверные сведения. В исторической литературе чаще всего приводятся материалы Лаврентиевской летописи. Однако если маленький Козельск приковал к себе силы завоевателей на долгие семь недель, то сообщения о весьма длительной осаде Киева с его мощными укреплениями представляются соответствующими действительности.

Героическая оборона Киева и других древнерусских городов значительно обескровила захватчиков, ослабила их силы, спасла в конечном итоге Западную Европу.

Упадок Киева являлся не только результатом конкретного разрушения города в 1240 г., как это обычно себе представляют, но и следствием разгрома всей Древнерусской державы и установления иноземного ига на Руси. Именно поэтому Киев не смог подняться быстро вновь, как это бывало прежде.

Полностью права современная советская историография, считающая вторжение долговременным процессом (от битвы на Калке до конца XIII в.), а не единовременным актом.

Каким же был Киев после Батыева нашествия?

После 1240 г. известия о Киеве становятся скудными и малочисленными. Это обстоятельство, как нам представляется, и стало одной из главных причин появления теории дворянских историков о полном разрушении и длительном запустении города. По мнению большинства исследователей, Киев, в особенности Верхний город, начал возрождаться лишь где-то в XVII в.

Однако историки того времени не использовали в своих трудах данные археологии, ибо она как наука находилась еще в зачаточном состоянии. А между тем археологические данные опровергают это мнение. Так, например, осенью 1981 г. археолог Я. Е. Боровский, который руководил раскопками на ул. Полины Осипенко (территория «города Ярослава»), обнаружил довольно крупную печь из жилой постройки, под которой был выложен битой плинфой и целыми кирпичами с бороздками. Эта печь, по мнению специалистов, датируется второй половиной XIII — началом XIV в. Аналогичная печь раскопана на Старокиевской горе в 1971 г. В. К. Гончаровым.

В настоящее время советские историки не говорят о полном запустении Киева и всей Южной Руси. Но многими это считается само собой разумеющимся, и поэтому часто в исторических работах вообще отсутствует повествование о Киеве XIII—XV вв. А когда пишут об этом, то историю Киева рассматривают слишком обобщенно и прямолинейно, не различают положение города на разных этапах, скажем, в XIII и в конце XIV в. То есть история дается в статике, а не в динамике, развитии. Степень конкретных разрушений также часто преувеличивается.

Если у специалистов-историков по данной тематике в настоящее время уже не встретишь утверждений о практически полном уничтожении Киева и его незначительной роли вплоть до XVII в., то такое мнение все еще широко распространено среди историков искусства и литературы, в учебниках, научно-популярной литературе. Это расхожее мнение изживается с большим трудом, поскольку далеко не всем известны последние работы советских историков по этому вопросу.

Конечно, долгое господство мнения о запустении Киева имело веские причины. К ним относится, несомненно, малочисленность письменных источников, а также археологическая неизученность данного периода.

Далеко не всегда учитывались разгромы Едигеем и Менгли-Гиреем, набеги крымчаков, не в должной мере использовался актовый материал этого периода.

Большое значение для распространения и утверждения мнения о полном запустении Киева после 1240 г. на несколько веков имели работы М. К. Каргера, который

многие годы занимался раскопками древнего Киева. Авторитет ученого, вне сомнения, повлиял на то, что мнение стало господствующим.

Но теория о полном запустении Южной Руси и Киев давно вступила в противоречие с известными и вновь добываемыми научными фактами. Необходимо рассмотреть все стороны и тенденции исторической жизни Киева этого периода во всей их сложности и противоречивости, не гиперболизируя и не абсолютизируя какую либо одну из них.

В последние годы появляется все больше работ, в которых по-новому рассматриваются события этого; сложного периода, пытаются решить ее комплексно на основе всех известных исторических источников. Очень важной является статья киевского археолога В. И. Довженка о положении Среднего Поднепровья в эту эпоху, где показано существование преемственности в истории Южной Руси. К такому выводу исследователь пришел, анализируя прежде всего данные археологии и топонимики. Оказалось, что из 113 известных нам древнерусских поселений в этом регионе больше трети (42) отождествляются с современными городами и селами. Это свидетельство безусловно опровергает всякое предположение о якобы имевшей место смене населения.

К аналогичным выводам пришла и С. А. Беляева, которая на основе новейших археологических материалов рассматривала сельские поселения этого периода.

Топонимика, материальная культура, характер экономики территории свидетельствуют о преемственности с предшествующим периодом и постепенном возрождении Южной Руси.

КИЕВ ПОД ВЛАСТЬЮ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Киев сильно пострадал во время штурма войсками Батыя. Пожары, которые возникли в ходе боя и во время грабежей, уничтожили большую часть деревянных построек города. Несомненно, в это время также были разрушены и памятники каменного зодчества. Однако главное богатство города — это люди. Причем люди, которые производят материальные ценности. И вот в этом Киев понес основные и невосполнимые потери. Мы не думаем, что все население от мала до велика было вырезано захватчиками. Воевода Дмитрий, раненый, был взят в плен. Значит, были и другие пленные. Но и эти оставшиеся в живых люди были навсегда потеряны для города: их (особенно искусных ремесленников) угнали в рабство.

Итак, самые сильные и смелые, лучшие умельцы были либо убиты, либо попали в плен. В Киеве остались лишь те, которые уже не могли заинтересовать захватчиков. Но многие, хорошо зная судьбу других древнерусских городов, скрывались среди лесов и болот Полесья. Вот они-то и начали возвращаться в Киев после того, как прошло Батыево войско.

Не будем забывать также и о том, что многие искали спасение в богатых городах Галицко-Волынского княжества и дальше на западе. Летопись говорит о том, что туда «бежаху ис татар седелници и лучници, и тулници, и кузнице железу и меди и серебру». Как уже говорилось, Матфей Парижский сообщал о том, что беженцы из Киевской земли встречались даже в далекой Саксонии.

Уцелевшие жители начали восстанавливать город. В 1241 г. из Венгрии возвращается князь Михаил. Поселяется он не в городе, а «живяще под Киевом на острове». Многие исследователи объясняют это тем, что в Киеве будто бы все было разрушено, а вот княжеский Дворец под Киевом, который не раз фигурировал в летописях, остался неповрежденным.

Нам, однако, такое объяснение не представляется Убедительным. Скорее это вызвано причинами политического характера. Киев считался столицей Руси. И приход в Киев князя, вероятно, мог иметь и определенное символическое значение, скажем, как

претензия на главенство на Руси. Ведь бегство Михаила и дальнейшие поступки поставили его фактически в положение вассала князя Даниила Галицкого.

А летопись отмечает, что Михаил «ни послав посла иде в Киев». Возможно, Михаил выжидал последующих действий то ли со стороны Даниила, то ли со стороны ордынцев, зорко следивших за изменением политической ситуации на Руси. Да и сам Даниил Галицкий, когда в 1245 г. по дороге в ставку хана проезжал Киев, остановился не в самом городе, а в Выдубицком монастыре («пришед в дом архистратига Михаила, рекомы Выдобичь»). Ведь в Киеве уже сидел наместник великого князя Ярослава боярин Дмитрий Ейкович.

Пожалуй, единственным свидетельством о Киеве этого времени являются мемуары Иоанна Плано де Карпини — итальянского путешественника, монаха, возглавлявшего дипломатическую миссию, которую папа Иннокентий IV послал в 1245 г. в столицу Монгольской империи Каракорум. Карпини сообщал, что по дороге в Киев, «который служит столицей Руссии», «мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие в поле, ибо этот город был весьма большой и весьма многолюдный». Описание Карпини удивительно совпадает с яркой картиной положения Руси, которую дает нам его современник Серапион: «Кровь и отец, и братья наша, аки вода многа землю напои; князей наших, воевод крепость исчезе... множайша же братья и чада наша в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величество наше смерися; красота наша погибе, богатство наше онемь користь бысть; труд наш погании наследоваша земля наша иноплеменникомъ в достояние бысть...»

В городе Карпини видел почти 200 домов, его встречал тысяцкий, управлявший городом,— очевидно, упоминаемый в летописи боярин Дмитрий Ейкович. Ордынцев в Киеве не было. Их Карпини, выехавший из Киева 4 февраля 1246 г., встретил лишь в Каневе. Об этом же свидетельствует и летописный рассказ о путешествии Даниила Галицкого, которое он совершил несколькими месяцами ранее,— завоеватели стояли в Переяславле.

Население города занималось ремеслом, торговлей, сельским хозяйством. Продолжал оставаться Киев и крупным международным торговым центром. Через него шли торговые пути из Европы на Восток. Об этом свидетельствуют мемуары Карпини. В Киев он ехал вместе с купцами из Бреставля. Когда он отправился дальше в Монголию, в Киев прибыли купцы из Польши и Австрии. После возвращения из Каракорума Карпини встречает здесь «купцов из Константинополя, приехавших в Руссию через землю Татар». Это представители купечества крупнейших средиземноморских городов того времени: Михаил и Варфоломей из Генуи, Мануил из Венеции, Николай из Пизы, Яков Реверей из Акры. «Были и другие менее важные, суть: Марк, Генрих, Иоан Вазий, другой Генрих Бонадиес, Петр Пасхами; было еще много других, но имена их нам неизвестны»,— отмечал папский посланник.

Не менее красноречиво говорит о том, что Киев не потерял своего значения и в развитии международной торговли, клад монет, обнаруженный в 1845 г. близ Кирилловского монастыря. Клад, находившийся в глиняном сосуде, состоял почти из 200 медных восточных монет, самые младшие по времени из которых чеканились в Бухаре Менгукааном в 1253—1254 гг. Таким образом, клад был зарыт в землю не ранее этого времени, что, безусловно, указывает на торговые связи Киева с Востоком в этот период.

Каково же было политическое положение Киева? Батый прекрасно понимал роль Киева в жизни Восточной Европы, особенно его традиционное значение древней столицы, «матери городов руських», и поэтому, когда он утвердил в 1243 г. владимиро-суздальского князя Ярослава в положении старейшего «в Русском языке», то в подтверждение этого передал ему и Киев. Ярослав на юг не поехал, а послал туда своего наместника. Возможно, в этом и заключалась цель ордынской дипломатии: назначать в Киев князей, которые заведомо туда не переедут, и таким образом лишить крупнейший центр Руси политического руководства. Можно предположить, что интересы Батыя и его

ближайших преемников (Сартака, Улагчи) побуждали Орду идти навстречу общерусским притязаниям владимирских князей, поддерживая их в соперничестве с южнорусскими (черниговскими и галицкими). Интересы эти обуславливались опасностью, грозившей владычеству Орды, которую они видели в энергичной оппозиции Даниила Галицкого и князя Михаила. Последний был убит в 1245 г. в Золотой Орде по приказу Батыя.

После смерти Ярослава Киев переходит в распоряжение великих князей владимирских, которым хан давал старейшинство на Руси: сначала Александру Невскому (1249—1263), а затем его брату Ярославу Ярославичу (1263—1271).

О киевских князьях конца XIII—начала XIV практически нет никаких сведений. Лишь в так называемом Любецком синодике (поминальных записках среди имен позднейших черниговских князей рядом именем Ивана путивльского читаются имена «князь Ивана-Владимира Ивановича киевского и сестры е Елены, князя Андрея Вруцкого и сына его Василия убитого в Путивле». Некоторые исследователи предпологают, что это могли быть киевские князья, возглавлявшие борьбу населения против захватчиков в конце XIII в.

Как мы уже говорили, непосредственно Киевом Орда не управляла. Она делала это руками местных феодалов. Была произведена перепись населения и наложена тяжелейшая дань. Причем если перепись на северо-востоке Руси была сделана лишь в 1257 г. («тое же зимы приехали численици, исчетоша всю землю Суждальскую и Рязанскую и Муромскую и ставиша десятники, и сотники, и тысящники и темники и идоша в Орду, толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, клирошан, кто зрит на св. богородицу и на владыку»), то о переписи в Киеве есть указания под 1245 г. Эту же перепись имел в виду, вероятно, и Карпини.

В. Н. Татищев сообщает о размерах этой дани. В 1275 г. великий князь Василий Ярославич «привез хану по полугривне с сохи, или с двух работников, и что хан, недовольный данью, веле снова переписать людей».

Примечательна политика Золотой Орды в отношении православного духовенства. Ханы, справедливо считая его серьезной политической силой, пытались привлечь церковь на свою сторону или, по крайней мере, использовать ее влияние в своих интересах. Поэтому духовенство было освобождено, как мы видим из летописи, от переписи. Освобождено оно было и от платежей, поставок воинов, подвод, ямской повинности, продовольствия. Об этом прямо указано в ярлыке хана Менгу-Тимура (между 1270 и 1276 гг.): «...и не надобе им дань и тамга и поплужное ни ям, ни подводы, ни корм».

Киев во второй половине XIII — начале XIV в. возрождался чрезвычайно медленно: слишком сильно были подорваны производительные силы города и всей Киевской земли в 1240 г. К тому же следовали новые и новые набеги захватчиков. Велась очень упорная, часто подспудная борьба Орды с Галицко-Волынским княжеством.

Земли Южной Руси часто становились ареной сражений. Даниилу Галицкому не удалось освободить Киев и Поднепровье, однако борьба продолжалась несколько десятилетий.

Непосильной тяжестью ложилась на экономику Киева выплата ордынской дани. Ханы требовали денег и людей, людей и денег. Все это не могло не сказаться на темпах возрождения города.

На протяжении всего XIII в. Киев продолжал оставаться традиционным церковно-административным центром Руси, а следовательно, продолжал влиять на политическую и идеологическую жизнь страны. В Киеве посвящались епископы в различные княжества Руси. Так, в 1273 г. архимандрит Серапион был поставлен епископом Владимирским. В 1289 г. в Киев для посвящения в сан приезжал из Твери епископ Андрей. В 1288—1289 гг. в Софийском соборе митрополит Максим рукоположил епископов Иакова и Романа соответственно во Владимир и Ростов.

Сразу после взятия Киева и вероятной гибели митрополита Иосифа обязанности митрополита всея Руси исполнял Петр Акерович — игумен княжеского монастыря

Спаса на Берестове в Киеве. Петр Акерович выступал в 1245 г. на католическом соборе в Лионе, который был созван папой Иннокентием IV для обсуждения монгольской проблемы. Он информировал «прелатов мира», как сообщают нам «Анналы Бертонского монастыря», а также «Хроника» Матфея Парижского, «о тартарах»: «Во-первых, о происхождении; во-вторых, о вероисповедании; в-третьих, о совершении религиозных обрядов; в-четвертых, об образе жизни; в-пятых, о мощи; в-шестых, о численности; в-седьмых, о намерении; в-восьмых, о соблюдении договоров; в-девятых, о приеме послов».

Новым киевским митрополитом стал Кирилл, выдающийся политический деятель своего времени, сподвижник Даниила Галицкого и Александра Невского. Д- С. Лихачев называл Кирилла звеном, связывающим Южную и Северную Русь. Он был инициатором русско-никейско-сарайского сближения, направленного против папства и крестоносцев, стремился укрепить основы единства страны.

Кирилл развернул в Киеве обширную политическую деятельность. Совсем не случайным представляется тот факт, что митрополит, умерший во время посещения Северо-Восточной Руси в далеком Переяславле-Залесском, был похоронен именно в Киеве в Софийском соборе: «того же лета (1280 г.— Г. И.) преставися пресвященный Кирил, митрополит Киевский и всеа Руси, в Суздальской земле в Переяславе, месяца Декабря в 7 день и... везоша его в Киев, и тамо паки певше над ним и служивше вси епископии Русстии со всем священным собором, и погребоша его в Киеве в соборной церкви».

Свидетельством значения Киева как важного церковно-административного и идеологического центра является созыв в 1273 г. собора русских епископов, на котором были приняты так называемые Правила Кирилла и поставлен в епископы Серапион. В науке этот собор до недавнего времени традиционно связывали с Владимиром на Клязьме и датировали 1274 г. Однако московский историк Я. Н. Щапов убедительно доказал, что это событие происходило именно в Киеве и на год раньше. (Предположение, что съезд русских иерархов происходил в Киеве, а не во Владимире, высказывал ранее Н. Г. Бережков.)

Собор был созван, чтобы покончить с «неустроением», «грубосгию» и разногласиями, царившими в «русской» епархии. Памятники церковной истории того времени указывают на существование определенного анти-церковного движения, в котором проявлялся стихийный протест низов против феодальной эксплуатации. В этом движении наряду с мирянами участвовало и низшее духовенство, которое также подвергалось эксплуатации и из среды которого выходили активные сторонники и идеологи антицерковного и антифеодального движения.

Попыткой успокоить это движение реформами «сверху», ликвидировать наиболее вопиющие злоупотребления, особенно «поставления на мзде», и был Киевский собор 1273 г. На нем «Кирил, смиренный митрополит всея Руси, много убо видением и слышанием неустроение церквах много видевший и слышав... несогласия много и грубости» ввел новые правила. Теперь на всю территорию «русской» митрополии распространялся порядок, принятый в Киеве.

Правила Кирилла содержали запрет произвольного «урока» (побора) за поставление в священники и дьяконы, в игумены, наместники и т. д. За возведение в сан священника и дьякона была установлена единая пошлина (7 гривен) в пользу клирошан епископской кафедры.

Особое внимание было обращено на запрет языческих обычаев, что свидетельствует о глубоких корнях язычества, сохранявшихся в народной среде. Вероятно, в этот период антифеодальные движения в какой-то мере приобретали языческую окраску. Правила Кирилла запрещали языческие ритуальные игры, традиционные турниры, обычай «водить к воде» невест, языческий праздник в субботний вечер.

Правила Кирилла были включены в новую, создаваемую в Киеве Кормчую¹ и быстро распространились на всей территории Руси.

Все это свидетельствует о том, что и в первые десятилетия после Батыева нашествия Киев играл роль важного торгового, церковно-административного и идеологического центра, продолжал поддерживать международные экономические связи.

Тем временем на территории северо-западных и северо-восточных русских земель, находившихся на значительном расстоянии от степных районов, где размещались орды кочевников, происходил быстрый процесс развития сельского хозяйства, ремесла и торговли. Такие города, как Москва и Тверь, стали крупными центрами, начали играть значительную роль в экономической и политической жизни Восточной Европы. Тогда наблюдался и определенный отлив населения из Приднепровья в сравнительно безопасные лесные районы бассейна Оки и Верхней Волги. Отражением происходящих процессов был известный факт переезда в конце XIII в. митрополита Максима вместе со своим двором во Владимир на Клязьме: «Максим митрополит Киевский и всея Руси не терпя насилия от Татар в Киеве поиде из Киева и весь Киев разыдесея». Однако и после этого Киев оставался второй резиденцией митрополита всея Руси, который обязан был после утверждения в Константинополе вначале приходить в Киев, а затем во Владимир или Москву.

Наступил XIV в. Политическая история первой трети столетия скрыта от нас практически полным отсутствием письменных источников. По сообщению летописи, в 1331—1362 гг. киевским князем был Федор, о личности которого историки продолжительное время спорят. Некоторые предполагают, что он был сыном князя Иоанна-Владимира, другие отождествляют его с князем Федором Святославичем, о котором сообщает I Новгородская летопись. В ней упоминаются под 1326 г. «послы из Литвы: брат Гедемин князь Литовского, Воини Полотский князь, Василии Менский, князь Федор Святослазич».

Но историков больше всего интересовала, конечно, не сама генеалогия не очень известного киевского князя, а то, что стояло за ней. Ведь если Федор Киевский был Святославичем, то из контекста летописи следует, что он был вассалом Гедимина. А следовательно, и Киевское княжество уже входило в состав Литовского государства. Если же это разные лица, то Федор был ордынским вассалом и Киев подчинялся непосредственно Золотой Орде.

За суждениями о личности киевского князя скрывается спор о том, когда же Киев вошел в состав Литовского государства. В историографии по этому поводу единого мнения нет. Существует два предположения: 1321 г. (при князе Гедимине) и 1362—1363 гг. (в период правления Ольгерда).

Длительное время считалось, что Киев и вся Южная Русь были завоеваны Гедимином в 1321 г. Вот что об этом сообщает хроника Литовская и Жмойская — самая крупная по объему западнорусская летопись. Гедимин выступил в поход на Вольшину и после осады захватил Владимир, затем Луцк, а на следующий год пошел на Киевское княжество, штурмом овладел Овручем и Житомиром. На р. Ирпень у Белгорода войско Гедимина встретилось с отрядами киевского князя Станислава, к которому присоединились князья Лев Луцкий, Роман Брянский и Олег Переяславский.

В летописи приводится красочное описание битвы, в ходе которой киевские дружины были разбиты, Лев и Олег убиты, а Станислав и Роман бежали в Рязань, которую Станислав якобы впоследствии наследовал.

Киевляне после долгой осады, видя, что их князь возвращается и не собирается им помочь, «замок и место Киев поддали великому князю Гедимину». Причем встречать «Гедимина вышли напрод митрополит, епископы, архимандриты со всем духовенством з

¹ Кормчие книги, или номоканоны,— юридические кодексы, систематизировавшие основные памятники церковного и светского права.

крестами, корогвами». Княжить в Киеве Гедимин посадил Ольгимонта князя Гольшанского.

Такое же описание событий находим и в других поздних западнорусских летописях (Быховца, Рачинского, Евреиновской, Румянцевской и др.). Они почти не отличаются друг от друга и в основном датируют события 1320—1321 гг. Однако все эти летописи достаточно позднего происхождения (XVI—XVIII вв.) и основываются на различных более ранних источниках.

Повесть о завоевании Гедимином в 1320—1321 гг. Южной Руси в нашей историографии была почерпнута прежде всего из «Хроники» польского историка Матвея Стрыйковского. В этом нет ничего удивительного. Ведь это был один из наиболее распространенных в Восточной Европе в XVI—XVIII вв. исторических трудов, оказавший заметное влияние на все развитие русской и украинской историографии вплоть до XIX в.

Еще одним источником, включившим сообщение о походе Гедимина на Волынь и Киев, была Густинская летопись. Рассказ летописи значительно лаконичнее подробного повествования М. Стрыйковского и отличается от него датировкой (1304—1305 гг., а не 1320—1321 гг.), а также уточнением имен князей («Лев Данилович» и «Володымер Василкович»). Основная часть Густинской летописи доведена была до 1515 г. Хотя история создания летописи остается еще невыясненной, можно предположить, что написана она не ранее первой четверти XVI в.

Сравнение с рассказом М. Стрыйковского затруднено ввиду краткости летописного изложения. Однако, вероятнее всего, данное сообщение попало в летопись, независимо от работы. Следовательно, и историк, и неизвестный нам составитель украинского свода имели один общий источник.

Таким источником могла быть еще одна летопись, содержащая рассказ о завоевании Гедимина,— так называемая Хроника Быховца или близкая к ней летопись (летопись типа Быховца).

Автор Густинской летописи резко сократил рассказ и попытался уточнить личности Владимира и Льва, отождествив их с хорошо известными галицко-волынскими князьями конца XIII в. Поэтому он и вынужден был передвинуть время событий ближе ко времени действия этих князей — на 1304—1305 гг.

Однако эта попытка была явно неудачной, поскольку и Лев Данилович и Владимир Василькович к этому времени уже умерли, причем смерти последнего посвящен далее специальный некролог под 1289 г. в той же Густинской летописи. А Гедимин стал великим князем литовским в 1316 г.

Об этих событиях нет сведений в летописях, молчат о них и польские историки, работавшие до М. Стрыйковского: Я. Длугош и М. Меховский. И самое главное, ничего не говорят о походе Гедимина и наиболее древние западнорусские (белорусско-литовские) источники — «Летопись великих князей литовских». На наш взгляд, столь заметное событие, как присоединение Киева и Волыни, не могло не отразиться хоть в одном из древнейших списков.

На основании анализа летописей, а также русских источников в «Истории Польши» Я. Длугоша исследователи пришли к выводу, что протограф (первый список) древнейшей западнорусской летописи был создан в 30-х годах XV в.

Следовательно, впервые повесть о походе Гедимина появилась в более поздних западнорусских летописях типа Быховца. Изучая именно эти летописи, можно выяснить, когда и почему возник этот летописный рассказ.

На мнение М. Стрыйковского опирались все последующие историки этого периода, которые датировали завоевание Южной Руси Литвой 1321 г. Такая датировка была принята в исторической науке примерно до конца XIX в., когда разгорелась дискуссия в связи с тем, что многие исследователи выдвинули другую дату этого события — 1361—1363 гг.

Новая датировка была достаточно убедительно аргументирована и в настоящее время принята большинством ученых. Однако и сейчас некоторые, ссылаясь на летописи, пишут о 1321 г. (Ю. С. Асеев, А. И. Рогов), а в «Истории Киева» (1963) даже предпринята попытка объединить обе версии: Гедимин пытался завоевать в 1321 г. Киев, но у Белгорода не победил, а потерпел поражение. И Киев захватил Ольгерд уже в 1362 г. Последнее – либо недоразумение, либо связано с неверным прочтением летописного текста. Рассказ о завоевании Киева озаглавлен в летописи «О поражце литовской над Русью». Здесь, как вытекает из текста, слово «поразка» применяется в смысле «победы». А в «Истории Киева», вероятно, использовали его только в прямом значении.

Но еще в 1817 г. Н. М. Карамзин писал о «сомнительном повествовании Стрыйковского». Он указывал, что «сие повествование историка не весьма основательного едва ли утверждено на каких-нибудь современных или достоверных свидетельствах». Н. М. Карамзин приводил также свидетельства современных документов что и Волынь сохраняла свою независимость после 1321 г. Однако эти интересные указания известного историка остались незамеченными.

Многие противоречия и анахронизмы в приведенном выше летописном рассказе позволяют говорить о его недостоверности. Князя либо неизвестны по другим источникам (Станислав Киевский, Олег Переяславский), либо относятся к другому времени (Лев Луцкий, Владимир Владимирский, Роман Брянский – жили в XIII в., Иван Рязанский жил позднее). Имя Станислав не характерно для Руси и в источниках практически не встречается. Сообщение, что Станислав после изгнания из Киева наследовал Рязанское княжество другими русскими летописями не подтверждается и вообще носит явно выраженный фольклорный характер, вызывает удивление и то, что победителя торжественно встречает митрополит, архимандриты, епископы со всем Духовенством. Вряд ли язычнику были бы оказаны такие почести и его встречали бы «с крестами и корогами». Сильное сомнение вызывает и само присутствие в это время митрополита в Киеве.

Волынь сохраняла свою независимость до 1335-1340 гг. и затем перешла во власть Любарта Гедиминовича по наследству без завоевания, о чем, кстати, и говорит та же «Хроника Литовская и Жмоиская». В Галиче и Волыни княжили Андрей и Лев Юрьевичи с 1316 г. по 1324 г. Из письма польского короля Владислава Локотка к папе Иоанну XXII известно об их смерти в 1324 г.: «Извещаю Ваше Святейшество о кончине двух последних князей Российских, бывших для нас твердою защитою от свирепости Татар». После них остался малолетний наследник Юрий II. Н. М. Карамзин указывает на четыре грамоты Юрия II (от 1325, 1327, 1334 гг. и 20 октября 1335 г.), подтверждающие союзный договор Галицко-Болынского княжества с Тевтонским орденом. В них Юрий II именуется князем Владимирским, и все они (кроме 1334 г., написанной во Львове) были посланы из Владимира-Волынского.

В 1329 г. митрополит киевский и всяя Руси Феогност прибыл «в Волынскую землю и оттуду иеде в Галич и в Жараву, и оттуду прииде в Киев». А на следующий год посетил Владимир-Волынский, где «постави Феодора епископа во Тверь». Здесь и произошел известный эпизод, который подробно зафиксирован в летописях. В конце июня 1331 г. новый новгородский владыка Василий был вызван во Владимир «на поставление во архиепископы Новгороду к Феогносту». Но Гедимин задержал новгородское посольство и отпустил лишь после того, как новгородцы обязались предоставить в своей земле удел для его сына Наримунта.

После этого Василий со свитой благополучно прибыл во Владимир, где и был «поставлен» 25 августа. Василий представлял те круги новгородского боярства, которые являлись сторонниками союза с Москвой.

В этот период обострились отношения Новгорода со Псковом. Как отмечает летопись, «не поставивше Новагорода ни во чтоже Псковичи, и себе владыку и князя умыслиша». Псков был поддержан Литвою и Тверью. Во Владимир одновременно с

новгородским кандидатом «приидоша послы изо Пскова от князя Александра Михайловича Тверского и от князя Гедимента Литовского и от всех князей Литовских к Феогносту, митрополиту Киевскому и всея Руси, моляще его и биюще ему челом дабы им поставил во Псков своего им епископа, его же приведоша с собою именем Арсения». Поставление в Пскове епископа означало независимость Пскова от Новгорода и усиление позиции литовско-тверского союза.

Сторонник московского князя Феогност отказался утвердить Арсения, и литовский кандидат был, как пишет летопись, «посрамлен».

В ответ на это Гедимин попытался перехватить новгородскую делегацию и организовал погоню, о чем Василия предупредил митрополит: «князь Литовский отпустил на вас 500 человек Литвы поимати вас». Новгородский архиепископ возвращался в Новгород кружным путем: «боялся Литвы и иде с посадники своими Новгородскими межю Литвы и Киева, уходом бежаше». Под Черниговом новгородцы столкнулись с киевским князем, который с баскаком собирал «выход» в Орду: («князь Федор Киевский с баскаком татарским в мале дружине, точию в пятидесят человек»). Взяв с них выкуп, Федор отпустил новгородцев, которые через Брянск достигли Новгорода. Митрополит Феогност сурово отчитал Федора за этот разбой, «глаголаше ему: «...срам есть князю неправду чинити и обидети, и насильствова-ти и разбивати; и тако князь посрамися от митрополита».

Долгое пребывание митрополита Феогноста на Волыни, посещение им Галича и Киева, маршрут новгородского посольства, на наш взгляд, достаточно ясно указывают на то, что и Волынь и Киевское княжество не подчинялись литовскому князю. В Киеве княжил Федор, который был непосредственным вассалом Золотой Орды.

В 1354 г. пытался утвердиться в Киеве литовский митрополит Роман, но «не приняше бо его кияне». По сообщению Никоновской летописи, в 1358—1360 гг. в Киеве находился митрополит всея Руси Алексей, который являлся руководителем московской политики в годы малолетства Дмитрия Донского. Выходец из знатной московской боярской семьи, крестник Ивана Кали-ты, первый москвич, ставший митрополитом, Алексей полностью разделял интересы московских бояр и князей и находился в остром противоборстве с литовским митрополитом Романом. Это было бы, конечно, невозможным, если бы Киев находился в подчинении у литовского князя.

Итак, все эти факты и соображения свидетельствуют о недостоверности повести, рассказывающей о завоевании Гедимином Южной Руси.

Как же попал этот рассказ в Хронику Быховца?

Хроника была написана в 30-е годы XVI в. Место ее создания — район Слуцка—Новогрудка, то есть владений князей Слуцких — наследников киевских Олельковичей, изгнанных из Киева. Хроника выражает интересы прежде всего крупной православной аристократии Великого княжества Литовского и Русского — Олельковичей, Гольшанских, Гоштовтов. Автор Хроники подверг значительной обработке свой главный источник «Летопись великих князей литовских». Были сделаны вставки в эту «Летопись...», прославляющие и возвышающие Олельковичей, Гольшанских и Гоштовтов.

Существует несколько мнений о конкретном окружении автора Хроники Быховца. Нам представляется, что прав литовский историк М. А. Ючас, который считает, что автор Хроники был близок к князю Павлу, последнему из рода Гольшанских. В этом случае предположение о появлении в западнорусской летописи вставки о завоевании Гедимином Южной Руси в связи с прославлением рода Гольшанских является вполне вероятным.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КИЕВА В XIV-XV вв.

Итак, когда же Киев вошел в состав Литовско-Русского государства?

Под 1361 г. в Густинской летописи находим запись: «В Киеве на княжении Федор». Это уже знакомый нам князь Федор — вассал Золотой Орды. Затем под 1362 г. читаем:

«Олгерд победи трех царков Татарских и ордами их, си ест Котлубаха, Качбея, Дмитра; и оттоли от Подоля изгна власть Татарскую. Сей Олгерд и иные Руския державы во свою власть прият, и Киев под Феодором князем взят, и посади в нем Володымера сына своего».

Об этих же событиях под 1362—1363 гг. сообщают и другие источники. Разгромив кочующие орды татар на р. Синих Водах, Ольгерд присоединил к своему государству южнорусские земли. Включение Киева в состав Литвы было подготовлено тем, что к этому времени в нее уже входили Волынь и Черниговщина.

Борьба с Золотой Ордой была значительно облегчена феодальными усобицами, начавшимися там в конце 50-х годов XIV в. «...И бысть брань и замятия велиа во Орде. И бысть в них глад велий и замятия многа и нестроение всегдашнее и не престаяху межи собою ратующесея и биющесея и кровь проливающе», — отмечалось в Никоновской летописи.

Только за один 1361 г. на золотоордынском престоле сменилось пять ханов. Поднял мятеж могущественный темник Мамай, скрывавшийся за фигурой шестого хана — Абдулаха. В результате его действий Золотая Орда раскололась на два лагеря, границей между которыми стала Волга. Таким образом, основные силы ордынцев, связанные борьбой Мамаю с саранскими ханами, не могли реально противодействовать отпадению окраинных улусов. Практически одновременно с Киевом и Подолией от власти Золотой Орды избавились Молдавия и Хорезм.

В 1364 г. князь Ольгерд ведет переговоры с митрополитом Алексеем, стремясь уговорить его сделать Киев местом своего постоянного пребывания. Это имело смысл только в том случае, если Киев уже входил в Литовско-Русское государство.

Итак, анализ исторической обстановки, сложившейся в начале 60-х годов XIV в., показывает, что именно в это время стало возможным включение Киевского княжества в состав Литовско-Русского государства.

Распространенное в литературе название этого очень своеобразного государственного объединения — Литовское государство, либо просто Литва, — не совсем точное и не отражает истинного положения вещей. Вероятно, лучше употребить термин «Литовско-Русское государство». Летописи и актовый материал знают его официальное название: Великое княжество Литовское и Русское, или Великое княжество Литовское, Русское и Жмойское. В государстве господствовали литовские феодалы, но основную массу населения составляли Украинцы, белоруссы и частично русские. Государственным языком был русский. Летописание, юриспруденция велись на украино-белорусском («русском») языке.

Чем объяснить ту легкость, с которой небольшая Литва сумела распространить свою власть на огромную Территорию, в несколько раз превышавшую ее собственные размеры? Ведь в это же время она вела непрерывную жесточайшую войну на своих северных и северо-западных границах с Тевтонским орденом. Эта война шла в течение десятилетий с полным напряжением сил и грозила самому существованию Литвы.

Здесь сыграли роль несколько факторов. Прежде всего, совпадали общие генеральные задачи, стоявшие перед литовскими и древнерусскими землями — защита от общего беспощадного врага. Для белорусских земель это был, в первую очередь, Тевтонский орден, а для украинских — Орда. И присоединение Киева к Литовско-Русскому государству на данном этапе было явлением прогрессивным, поскольку главной задачей Южной Руси в этот период было избавление от ордынского ига.

Положительно оценивая это событие, Ф. Энгельс отмечал: «Белоруссия и Малороссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству»².

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 22, с. 19.

Историки (И. Б. Греков, Б. Н. Флоря) связывают успехи Литвы и с тем, что литовский политический центр сумел использовать объективно существовавшие в древнерусском обществе (на данных территориях) тенденции к объединению, подготовленные предшествующим ходом социально-экономического развития. Политическое объединение вело к прекращению феодальных усобиц, усиливало возможность обороны от внешних врагов.

Эти обстоятельства и привели к тому, что Литва расширялась в основном мирным путем. Часто это осуществлялось путем «ряды» — соглашения с феодалами бывших древнерусских земель, которым гарантировалось сохранение их традиционных прав и привилегий. На княжеские столы этих земель обычно сажались члены литовской династии Гедиминовичей. Они должны были выплачивать дань великому князю, выступать в поход по его приказу. Постепенно эти князья сближались с местными феодалами и становились — в той или иной степени — выразителями интересов господствующего класса бывших древнерусских земель. Одним из проявлений этого процесса было принятие многими Гедиминовичами православия.

Насколько прочно и реально южнорусские земли освободились от власти Золотой Орды? Это совсем не простой вопрос.

Обычно подразумевается, что вхождение тех или иных земель в состав Литовско-Русского княжества означало их освобождение от ордынского ига.

А. Е. Пресняков писал, что переход под власть Литвы «сулил освобождение от татарской власти».

Советские исследователи показали, что хотя зависимость этих земель от Орды и ослабла, но полностью не была уничтожена. И. Б. Греков отмечал, что «ордынская держава... добилась установления контроля над всеми русскими землями». Об этом свидетельствуют многие документы.

Например, в булле 1357 г. папа Иннокентий VI упрекал польского короля Казимира в том, что с отнятых у «схизматиков» земель (Галицкого княжества, захваченного Польшей) уплачивалась дань «татарскому королю». В жалованной грамоте 1375 г. подольского князя Александра Кориатовича указывалось, что владения не освобождены от уплаты дани Орде: «Коли вси земляне имуть давати дань оу татары, то серебро име-ють тако же тии люди дати».

Аналогичные указания есть и в более поздних грамотах литовских князей. Круг «княжений» и «волостей», выплачивавших такую дань, устанавливается из анализа известного ярлыка Тохтамыша, который был выдан Витовту в конце 90-х годов XIV в. в обмен на поддержку в борьбе против Темир-Кутлуя. Этим ярлыком Тохтамыш отказывался от верховных прав Орды на земли Великого княжества вместе «з выходы и з данми». В перечне земель, дававших «выход» (дань), были Киевская, Волынская, Северская земли и Подолье, то есть только те земли, которые платили дань Орде в конце XIV в. Тем самым становится очевидным, что и в конце XIV в. южнорусские земли продолжали находиться в определенной зависимости от Орды.

Однако и соглашение с Тохтамышем не привело к полному прекращению уплаты дани, тем более, что он уже никакой властью в Орде не обладал. Еще в середине XV в. ордынские «даруги» собирали «ясаки» с целого ряда городов в Киевской земле.

Кроме уплаты «выхода» русские земли Великого княжества обязаны были высылать войска на помощь Орде, по крайней мере в середине XIV в. Об этом свидетельствует фрагмент мирного договора 1352 г. между Казимиром и Литвой: «Аже поидуть татрове на ляхи, тогда руси (имеется в виду «Русь што Литвы слушает». — Г. И.) неволя пойти и с татары».

Приведенные факты свидетельствуют, что присоединение южнорусских земель к Великому княжеству Литовскому не привело их к полному и немедленному освобождению от власти Золотой Орды. Насколько эта власть проявлялась, зависело от конкретной исторической ситуации.

Однако и неполная ликвидация ордынского ига сказалась благоприятно на развитии всех этих земель и конкретно Киева во 2-й половине XIV в., когда они стали возрождаться все ускоряющимися темпами.

Литовско-Русское государство стало одним из центров, вокруг которого консолидировались южнорусские земли. В этой политике оно столкнулось с другим центром, собиравшим русские земли, — Великим княжеством Владимирским. Между ними и началась борьба, описанная в многочисленных трудах историков. Нам же хочется подчеркнуть, что кроме антагонистических тенденций в отношениях этих двух государств существовали также и объединительные. Однако им мешало прежде всего вмешательство сильных соседей (Польшы и Золотой Орды), которые не могли допустить образования нового мощного государства. Золотая Орда предпочитала поощрять соперничество двух «великих княжеств» натравливая их друг на друга, тем взаимно ослабляя и контролировала таким образом политическую ситуацию в Восточной Европе.

Тем не менее объединительные тенденции продолжали существовать достаточно долго и выражались в различных проектах и попытках объединить русские княжества с Литвой или даже Польшей. «Чувство семьи единой», говоря словами советского поэта, все еще играло значительную роль на всех древнерусских землях. Особенно ярко это проявлялось во время Куликовской битвы, а также битвы при Грюнвальде.

Победа Дмитрия Донского была обусловлена не только его полководческим талантом и недостаточной боеспособностью полчищ Мамаю, но и другими факторами. Московский князь создал антиордынский союз русских княжеств как из Северо-Восточной Руси, так и из Литовско-Русского государства. Значительную роль сыграли князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи (братья киевского князя) со своими дружинами, что неоднократно подчеркивалось в Повести о Куликовской битве. Не менее важным был вклад в общее дело московского воеводы Боброка Волынского — двоюродного брата киевского князя.

Вероятно, не случайность и то, что Повесть о Куликовской битве была создана в «русских» землях Великого княжества Литовского и Русского.

Менее заметна роль киевского митрополита Киприана и многих русских феодалов (из Литовско-Русского государства), которые лично не участвовали в битве. Но они многое сделали для формирования патриотических настроений на Руси.

Да и в чисто практическом отношении сделано немало — была блокирована инициатива великого князя Ягайла. Известно, что Ягайло с войском выступил навстречу Мамаю, предполагая объединиться с ним на Оке 1 сентября 1380 г. Этот план был сорван благодаря быстроте действий русской рати. Ягайло дошел до Одоева и, узнав о выступлении Дмитрия Донского с войском к Дону, «пребысть ту оттоле неподвижным».

Почему? Войско Ягайла лишь в небольшой части складывалось из собственно литовских войск. Его основную массу составляли рати, приведенные Ольгердовичами из Киевщины и Черниговщины, а также из Витебска, Полоцка, Волыни.

Интересы русских феодалов и литовского боярства далеко не во всем совпадали. Литовская знать извлекала выгоду из поражения Московского княжества: Дань с покоренных земель поступала в ее распоряжение. Сотрудничество с Золотой Ордой прямо противоречило интересам феодалов Киевщины, Черниговщины и Волыни — эти земли жестоко страдали от ордынского ига и были кровно заинтересованы в ликвидации сохранившейся зависимости от Орды. Белорусских и украинских ратников в составе литовского войска с московскими дружинами, выступившими против татар, объединяло знание принадлежности к одному и тому же древнерусскому народу. Такая позиция как феодалов, так и широких народных масс «русских» земель Литвы сыграла положительную роль в победоносной войне Дмитрия Донского против Золотой Орды.

С 1362 по 1394 г. киевским удельным князем был Владимир Ольгердович. Его поддерживали местные феодалы. Войско Владимира осуществило несколько походов на юг против кочующих орд и вытеснило их к берегам Черного и Азовского морей.

Несколько десятилетий кочевники практически не появлялись ни Киевщине. Это имело большое значение для развития сельского хозяйства, ремесла и торговли на Приднепровье и содействовало постепенному подъему экономической и политической жизни в Киеве.

Одним из проявлений возрастающего экономического богатства города стала чеканка при Владимире собственной серебряной монеты. Всестороннему изучению этих монет посвящены исследования Н. Ф. Котляра. Ученый показал, что в стилистическом и типологическом отношении эти монеты самобытны. Метрологически монеты Владимира также трудно связать с современными им литовскими монетами. Самая большая разница между литовскими и киевскими монетами — в технике изготовления. Литовские монеты чеканились на кружке, вырезанном из листа металла, киевские же изготавливались из расплющенной проволоки. Так делали московские, рязанские, тверские, суздальские монеты. Сходство техники чеканки монет — еще одно подтверждение связи Киева с Северо-Восточной Русью. То, что монеты в Киеве начали чеканить практически одновременно с Москвой и раньше, чем в таком богатом княжестве, как Тверь (здесь монету стали бить после 1400 г.) косвенно указывает на довольно высокий уровень экономической и политической жизни Киевского княжества; Где находился монетный двор Владимира Ольгердовича? Очевидно, в его стольном граде — Киеве. На реверсе одного из типов монет помещена буква К — начальная буква названия города. Большинство этих монет найдены в Киеве или поблизости от него. Основной ареал их распространения — Киевская и Черниговская земли. Встречаются они также в Литве и на юге Украины.

Вероятно, именно в этот же период был построен мощный деревянно-земляной замок на высокой горе с крутыми склонами, возвышавшейся над Подолом и отгороженной почти от всего массива гор старого города глубоким Гончарным яром.

Границы Киевского удельного княжества времени Владимира Ольгердовича прослеживаются по такому известному памятнику, как «Список городов Русских», где есть раздел «А се Киевський гроди». Тут указан 71 город, расположенный в Поднепровье, бассейнах Припяти и Десны (примерно территория Полесья, Киевщины, Черниговщины). К ним принадлежат Житомир, Вручий, Туров, Могилев, Брянск, Трубчевск, Новгород-Северский, Курск, Чернигов, Рыльск, Путивль, Корсунь, Переяславль и др. Южные границы территории, занимаемой этими городами, проходят по Ворскле и Роси.

О значительной роли киевского князя в политической жизни Восточной Европы свидетельствует такой эпизод. Дионисий — выходец из Киево-Печерского монастыря, активный участник политических и религиозных событий второй половины XIV в. — основал Печерский монастырь в Нижнем Новгороде, а в 1374 г. стал суздальским епископом. Он был сторонником вооруженной борьбы с Золотой Ордой, призывал к ней русских князей. В 1375 г. его нижегородские прихожане начали «розмирие» с Ордой, «напав на посла Мамаю Сарайку с его дружиною». В этот день татарская стрела пробилась епископскую мантию, едва не ранив самого Дионисия. Дионисий был инициатором создания (и, вероятно, редактором) знаменитой Лаврентиевской летописи.

В 1383 г. он отправился в Константинополь добиваться гюставления на митрополичью кафедру. На Руси в это время было уже два митрополита: Киприан, находившийся в Киеве после разрыва с Дмитрием Ивановичем, и низложенный Пимен. Патриарх Нил рукоположил Дионисия в митрополиты.

В 1384 г., как сообщает летопись, «прииде изо Царяграда в Киев Дионисий епископ, его же поставиша в Цареграде митрополитом на Русь, и помышляше от Киева ити на Москву, хотя быти митрополитом на Руси», в Киев Дионисий явился, вероятно, по двум причинам. Здесь ему надлежало заявить о своих новых правах. Ведь, по постановлению патриарха Нила и собора 1380 г., «невозможно быть архиереем Великой Руси, не получив сначала наименования по Киеву, который; есть соборная церковь и главный город всей Руси».

Но, ставя Дионисия митрополитом, патриарх Нил должен был низложить Киприана. И, вероятно, Дионисий передал Киприану вызов в патриархию для низложения — это была вторая причина посещения Киева.

Однако этот шаг Дионисия стал для него роковым, в события вмешался князь Владимир Ольгердович: «И изнима его киевский князь Володимерь Олгердо-вичь, глагола ему: Пошел еси на митрополию в Царь-град без нашего повеления». Князь Владимир «изнима его и посла в заточенье, он же пребысть в заточенье и до смерти», наступившей 15 октября 1385 г., «и положен бысть в Киевской Печере великаго Антония».

Этот эпизод очень важен: борьба за единую русскую митрополию, которую вел Киприан, была в тех условиях и борьбой за объединение всего древнерусского наследства. Вмешательство Владимира помогло Киприану стать не только номинальным, но и фактическим митрополитом всея Руси, переехать в Москву — «и преста мятежь в митрополии, и бысть едина митрополия Киев и Галичь, и всея Руси».

Для нас же важно прежде всего то, что в это случае Владимир Ольгердович выступает как князь стремившийся к самостоятельности в церковной политике (это было очень непросто — пойти наперекор воле константинопольского патриарха), что означало в те времена стремление к независимости политической.

Князь Владимир поддерживал тесные контакты Тверским княжеством, которые были упрочены 1385 г. браком его дочери с Василием, сыном тверского; князя Михаила Александровича. Судя по всему, связи были традиционными: отец Владимира Ольгерд был женат на тверской княжне Ульяне. Кстати, духовником Ульяны был архимандрит Печерского монастыря Давид, а сама она похоронена в этом монастыре.

В 1385 г. между Польшей и Литвой была заключена Кревская уния, объединявшая их в одно государство. Положение украинских и белорусских земель значительно ухудшилось. Сложилась крайне сложная и быстро меняющаяся политическая обстановка. Уния не ослабила противоречий между Польшей и Литвой. Украинск» и белорусские земли находились в оппозиции против тех и других и все больше склонялись к союзу с Северо-Восточной Русью.

Чувствуя независимую позицию киевского князя Владимира, польский король Ягайло заставляет его чуть ли не ежегодно присягать ему на верность. Известны такие присяги 1386, 1387, 1388 гг. В 1390 г. Владимир во главе киевского ополчения помогает Ягайло при осаде Гродно в борьбе с Витовтом, который возглавил литовскую оппозицию.

В 1392 г. Витовт стал великим князем литовским. Он проводил практически независимую от Польши политику и решительно подавлял все сепаратистские действия в Великом княжестве Литовском и Русском.

Самостоятельные действия Владимира привели к столкновению с Витовтом и смещению его с киевского княжения. М. Стрыйковский указывал, что причиной выступления Витовта против Владимира было то, что последний мешал ему занять великокняжеский престол.

Хроника Быховца сообщает, что «князь Владимир Ольгердович, который был в Киеве, не захотел покориться и ударить челом великому князю Витовту. Князь же великий Витовт идя той же весной взял город Житомир и город Овруч. И приехал к нему князь Владимир из Киева; в том же году осенью вывел его князь великий Витовт из Киева и дал ему Копыль, а в Киеве посадил Скиргайла Ольгердовича».

Владимир обратился за помощью в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, с которым он, вероятно, имел контакты еще во время пребывания Василия в Литве. В Москве же был и поддерживающий самостоятельную политику Владимира митрополит Киприан. Это было первое обращение киевлян за помощью в Москву. Однако политические обстоятельства сложились так, что в это время Московское княжество было бессильно помочь киевскому князю. В литовских летописях сохранился отголосок этих событий. Повествуя о внуках Владимира Симеоне и Михаиле, летопись говорит, что «дед

их князь Владимир бегал на Москву и гым пробегал отчизну свою Киев». Владимир был переведен в белорусский городок Копыль и больше в политических событиях не участвовал, будучи, вероятно, под своеобразным «домашним арестом». Похоронен он в Киево-Печерском монастыре. Когда же произошел поход Витовта на Киев? Хроника Быховца даты не указывает, а дата Густинской летописи (1392 г.) ненадежна. Однако сохранилась поручительная запись от 18 февраля 1394 г., которую выдали Витовт, Владимир, Скиргайло и Федор за своего брата Андрея. В ней Владимир назван «князем Киевским», а Скиргайло титулован «князем Литовским». Но в конце этого года Скиргайло уже занимал киевский стол. Следовательно, поход Витовта происходил весной 1394 г.

Все эти, хотя и немногочисленные, свидетельства о политике Владимира (династические связи с Тверью, контакты с Москвой, эпизод с Дионисием, чеканка монеты, походы против татар, борьба с Витовтом) говорят о том, что он не был послушным литовским наместником в Киеве, а стремился к независимости и выражал интересы местных земель.

В целом конец XIV в. ознаменовался резким усилением польско-католического влияния в Литовско-Русском государстве, большим проявлением власти великих князей литовских над захваченными территориями. С этого времени начинается период длительной и упорной борьбы украинских и белорусских земель против Литвы и Польши за свою независимость.

Киевским князем стал Скиргайло Ольгердович — соперник Витовта в борьбе за великое княжение. Витовт отдал ему Киев, чтобы удалить из собственно литовских земель. Скиргайло, принявший в православии имя Иоанн, вероятно, быстро нашел общий язык с местными феодалами. Этот, судя по летописи, «добрый и чудный князь» был популярен в Киеве.

Киев продолжал играть значительную роль в политической жизни Восточной Европы. В 1396—1397 гг. здесь полтора года находился приехавший из Москвы митрополит Киприан. Осенью 1396 г. он вел в Киеве важные переговоры с польским королем Ягайло и Витовтом, которые завершились обращением к Константинополю с предложением форсировать образование унии православной и римско-католической церкви. Это было призывом к объединению всех европейских государств для борьбы с нараставшей турецкой угрозой, который, к сожалению, не дал результатов.

Княжение Скиргайло было непродолжительным. В январе 1397 г. он был приглашен митрополичий наместником Фомой на пир в Софию на митрополичий двор. «И с того пиру князь Скиргайло так поехал за Днепр [на ловы] к Милославичем и тамо разболися... в субботу въеха в город во Киев болев семь дней преставися в среду... и положень быс чюдным князь Скиргайло добрый наречены в светомь крещени Иоан подле гроба стога Федосия печерского».

Внезапная смерть человека, полного сил и здоровья, вызвала подозрения, что он умер не естественной смертью. «Но неции гл[аго]лють иже бы тот Фома дал князю Скиригаилу зелие травное пити», — записал летописец.

Последующая судьба киевского удела показывает, что Скиргайло убрали сторонники Витовта. Киев оказался под управлением ближайшего соратника Витовта — его племянника князя Ивана Ольгимунтовича Гольшанского: «и да ему держати Киев», Позже киевское княжение занимал князь Иван Борисович, происхождение и личность которого остаются загадкой. Известно лишь, что он погиб в 1399 г. в битве на р. Ворскле. Многие историки отождествляли его с Иваном Ольгимунтовичем, предполагая, что христианское имя Ольгимунта было Борис. Но это предположение опровергается сообщениями летописей и актового материала, которые неоднократно упоминают князя Гольшанского и после 1399 г. как активного участника многих политических событий. После смерти Скиргайло Витовт стал полновластным правителем Литовско-Русского государства. С этого времени его начинают титуловать великим князем и даже королем. Централизованное Великое княжество Литовское и Русское стало самым сильным

государством Восточной Европы и начало играть ведущую роль в объединении всех русских земель, консолидации Руси. Политику Витовта поддерживал и митрополит Киприан.

Однако усиление какой-либо части Руси не устраивало Золотую Орду. В конце 90-х годов стала ясна неизбежность решительного столкновения Литовско-Русского государства с Золотой Ордой. В 1398 г. сброшенный Едигеем с золотоордынского престола хан Тохтамыш «бежа из Орды в Киев». Витовт обязался помочь Тохтамышу вернуть ханство, а последний обещал Витовту ханский ярлык на Московское государство: «Аз тя сажу в Орде на царство, а ты мя посадишь на княженьи великом на Москве».

Витовт собрал у Киева огромную армию, состоявшую в основном из литовско-русских полков Андрея Ольгердовича (полоцкого), Дмитрия Ольгердовича (брянского) — участников Куликовской битвы, Ивана Борисовича (киевского), Ивана Ольгимунтовича Голымянского, Глеба Святославича (смоленского) и др. Кроме того, здесь находились отряды татар Тохтамыша, небольшой (400 воинов) отряд из Польши и около 100 крестоносцев.

Марионетка Едигея хан Тимур-Кутлук собирал в Орде большие силы.

После безрезультатных переговоров 12 августа 1399 г. армии встретились на берегах Ворсклы. Витовт был разбит и едва избежал плена. Почти вся литовско-русская армия полегла на поле битвы.

Киевщина и Волынь подверглись разграблению. Киев был осажден, но выдержал осаду, и Едигей ограничился выкупом: «И царь Темир-Кукли тогда приде ко граду ко Киеву, и възвз с града окупь 3000 рублей литовьских, и силу свою роспусти по Литовьской земли, и воеваше татарове даиже и до Великого Луцька». Еще тридцать рублей «окупу» Едигей взял с Печерского монастыря. Величина выкупа, взятого с Киева, равнялась дани, которую наложил в 1408 г. Едигей на Москву—крупнейший русский город того времени. Это свидетельствует о значительном экономическом развитии Киева конца XIV в.

После битвы на Ворскле ведущая роль в борьбе за объединение русских земель перешла к Москве.

В сложной обстановке начала XV в. Киев продолжал оставаться одним из главных центров политических хитросплетений. В 1404—1405 гг. там пребывал Киприан, в сентябре 1409 г.— феврале 1410 г.— вновь назначенный митрополит Фотий, который не решился ехать сразу в Москву. В 1411 г. он опять прибыл в Киев, где «постави Савотияна владыку ко Смоленьску». Существует предположение, что Фотий обещал Витовту сделать Киев своим постоянным местожительством.

В 1411 г. старший сын Тохтамыша Джелаль-Еддим, Витовт и Ягайло вели переговоры в Киеве с представителем Твери князем Александром Ивановичем.

Действия Фотия, поддерживающего политику московского князя, привели к его разрыву с Витовтом, который, стремясь ограничить влияние московской политики на украинское и белорусское население Литовско-русского государства, попытался создать отдельную литовскую митрополию.

Густинская летопись так повествует об этом: «Витолт, великий князь Литовский, виде, яко светая София, столная церков митрополя, не имущи государя, аки вдова осиротевша красоты своя лишонна ест, такожде и во все митрополии Киевской строения несть, а митрополитове пришедше з Москвы о сем токмо пекутся, еже обретше што красно в Софии себе взяти, такожде и даны от священников и инных христороубец собравши в Московскую землю со собою отнести... повеле собратися на собор всем епископам». На соборе, состоявшемся в начале 1414 г., Витовт предъявил претензии к Фотию: пренебрежение к Киеву как подлинной столице русской церкви. Летом этого же года при очередном посещении Киева Фотий был оттуда изгнан.

Многие историки истолковывают это сообщение летописи как свидетельство запустения Софийского собора. Мы считаем, что это был лишь полемический прием, обычное образное выражение («аки вдова осиротевшая красоты своя лишонна ест»),

которое использовалось для выдвижения политических претензий. Витовт требовал: «Поставите себе митрополита в моей державе, си ест в Киеве, по прежнему обычаю».

В 1415 г. на соборе в Новоградке известный писатель и полемист, племянник Киприана Григорий Цамблак был избран литовским митрополитом. Витовт и Цамблак пытались расширить влияние новой митрополии и на территорию русских княжеств. Однако планы Витовта потерпели провал, и уже в 1420 г. православная церковь Литвы снова подчинялась Фотию.

Продолжали укрепляться связи украинских и московских феодалов, частыми были династические браки между ними. Так, сын Владимира Ольгердовича Олелько, которого Витовт не пускал в Киев, 22 августа 1417 г. женился на дочери московского князя Анастасии.

В 1416 г. Киеву был нанесен еще один страшный Удар. Едигей, фактический хозяин Золотой Орды, менявший ханов на престоле по своему усмотрению, организовал новый поход на Киев. По сообщению летописи, он «поплени Руськую землю, и Киев, и Печерский Монастырь сожже и со землею соровна». Только мощный, прекрасно укрепленный замок на высокой горе над Подолом так и не смогли захватить. Но город пострадал очень сильно. Как утверждает летопись: «оттоле Киев погуби красоту свою, и даже доселе уже не може быти таков». Такое же мнение высказывал и Я. Длугош.

В начале 30-х годов XV в. с новой силой разгорелась борьба русских, украинских и белорусских земель, входивших в состав Литовско-Русского государства, против польского и литовского господства. В 1430 г. великим князем литовским был избран Свидригайло Ольгердович, что произошло вопреки Городельской унии 1413 г., по условиям которой необходимо было согласие Польши на утверждение кандидатуры литовского князя.

Свидригайло был до 1408 г. подольским и новгород-северским князем, а затем с большой группой украинских и белорусских феодалов перешел на сторону Москвы. Позднее его арестовал Витовт и заключил в Кременце. В 1418 г. Свидригайло, освобожденный благодаря помощи князя Дашка Федоровича Острожского, возглавил борьбу Волыни и Подолья против польских захватчиков.

После избрания на великокняжеский престол Свидригайло повел политику на разрыв унии с Польшей и восстановление независимости Литовско-Русского государства.

Свидригайло заключил союз с ханом Золотой Орды Улу-Мухаммедом, Тевтонским орденом, молдавским воеводой Александром, а также с Новгородом.

На Волыни началась упорная война со вторгшимся сюда летом 1431 г. многочисленным польским войском. Отряд Свидригайло был разбит под Луцком, но благодаря развернувшемуся широкому повстанческому движению и удачным действиям киевского воеводы Юрши, возглавившего оборону Луцкого замка, польские захватчики попали в тяжелое положение и вынуждены были заключить перемирие сроком на два года.

Опора Свидригайло на русские земли вызвала большое недовольство литовских феодалов, которые избрали великим князем Сигизмунда Кейстутовича, сторонника союза с Польшей. Фактически Великое княжество Литовское и Русское распалось на два государства. Сигизмунду подчинялись лишь собственно Литва и небольшая часть белорусских земель.

Полоцк, Смоленск, Киев, Волынь, Брацлавщина, Новгород-Северский и Другие территории, которые объединились в «Великое княжение Русское», признавали власть Свидригайло и были практически независимы от Польско-Литовского государства.

Хроника Быховца отмечала, что «князья русские и бояре посадили князя Свидригайла на великое княжение русское».

Началась многолетняя борьба между сторонниками Сигизмунда и Свидригайло. Первоначально успех был на стороне Свидригайло, главной базой которого являлся Киев. После окончания военной кампании князь ежегодно «распусти вой свои, князей и бояр, а

самь поиде Киеву». Среди активных сторонников Свидригайло летопись упоминает и «князя Михаила воеводу Киевского».

Однако постепенно чаша весов склонялась в пользу Сигизмунда. На его стороне была мощная поддержка централизованного польского государства. А самое главное: Ягайло и Сигизмунду удалось переманить на свою сторону значительную часть украинских и белорусских феодалов. После издания привилеев 1432 и 1434 гг., которыми православные феодалы уравнивались в личных и имущественных правах с литовцами-католиками, большая часть православной знати отказалась от борьбы за независимость украинских и белорусских территорий. Свидригайло продолжали поддерживать лишь Киев и Новгород-Северский.

Так еще одна попытка вырвать украинские, русские и белорусские земли из-под власти Литвы и Польши кончилась неудачей. Начавшаяся феодальная усобица в русских княжествах сделала невозможной помощь Москвы и других русских центров. Лишь Тверь однажды послала отряд на помощь Свидригайло.

В битве под Вилькомиром 1 сентября 1435 г. войско Свидригайло потерпело жестокое поражение (в плен попал и киевский князь Иван Владимирович), но борьба продолжалась. Свидригайло укрепился в Киеве. Киевская земля в течение пяти-шести лет оставалась фактически независимой от Литвы. Попытка Сигизмунда захватить Киев кончилась полной неудачей: летом 1436 г. киевское войско во главе с воеводой Юршей нанесло противнику недалеко от города тяжелое поражение.

Против Сигизмунда возник заговор. Хроника Быховца рассказывает, что волынские князья Иван и Александр Чорторийские (стоявшие во главе заговора) «направили дворянина родом из Киева по имени Скобейко и дали ему триста возов сена и на каждый воз под сено положили по пяти вооруженных человек, один человек возом правил, и отправили того Скобейко в Троки, будто бы с дякольным сеном». Таким образом заговорщикам удалось проникнуть в хорошо укрепленный тракайский замок. 20 марта 1440 г. Сигизмунд был убит в своей резиденции.

На великое княжение был избран брат польского короля Казимир, который с 1444 г. стал одновременно и польским королем. Он вынужден был пойти на уступки украинским феодалам. Многих выпустили из-под ареста, среди них и князя Олелько Владимировича семьей (его содержали в Кернове, а жену с двумя сыновьями Семеном и Михаилом — в Утянах). Были восстановлены Киевское и Волынское удельные княжества. На первое сел Олелько Владимирович (1440—1455), на второе — Свидригайло.

В годы правления Олелько и его сына Семена Олельковича (1455—1470) Киевское удельное княжество пользовалось относительной самостоятельностью. На Левобережье оно граничило с Крымским ханством; по речкам Овечья Вода и Самара «аж до Донца и от Донца по Тихую Сосну». На юге и юго-западе его границы шли от реки Мурафы вниз по Днестру, туда, где «Днестр упал в море, и оттоль с устья Днестрова лиманом... мимо Очакова аж до устья Днепра... а от устья Днепра до Тавани».

Киевские князья были выразителями интересов той значительной части украинских и белорусских феодалов, которые, поддерживая борьбу литовской знати против католической Польши, одновременно стояли за союз с Москвой, были сторонниками объединения всех древнерусских земель. Тесные политические контакты поддерживались и с соседней Молдавией. Они были закреплены династическим браком Евдокии Олельковны с молдавским воеводою Стефаном Великим. Молдавские летописи отмечали, что в 1463 г. «июня 5 привезли жену тому Стефану воеводе из Киева, сестру Симеона, царя Киевского». Этот титул Семена Олельковича свидетельствует об его высоком политическом авторитете.

Киев в годы правления Олелько и Семена успешно развивался. Свидетельство возрастающего богатства города, восстановления его экономического потенциала—ремонт многих крупных памятников каменного древнерусского зодчества.

Киев в этот период был важным центром идеологической и культурной жизни, одним из главных оплотов борьбы против католицизма. Митрополита Исидора, признавшего Флорентийскую унию с римской церковью, киевляне не пустили в город.

В среде киевских мещан получили распространение средневековые ереси. В эпоху средневековья сектантское движение, направленное против господствующей церкви, в действительности являлось одним из видов борьбы с феодальной системой. «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания... Ересь городов,— а она собственно является официальной ересью средневековья — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала»³,— писал Ф. Энгельс.

Социальной основой этой ереси были борьба против господствующей феодальной церкви и ее поборов, тяжелых для беднейших слоев мещанства. На основании церковной обличительной литературы, направленной против ереси, можно сделать вывод, что сторонники этой ереси отрицали внешние церковные обряды, монашество, иконопочитание, поклонение мощам, что сближает их с протестантским движением Запада. Распространение учения в слоях феодальной знати объясняется отрицанием еретиками церковной собственности, стремившимися к ее секуляризации.

В 1470 г. литовским правительством наместником в Новгород был назначен князь Михаил Олелькович. «А с нам приде ис Киева некий жидовин Схариа именем (он был врачом у Олельковичей. — Г. И.), и сей бяше диявол сосуд и изучен всякому злодейству же и изобретению, чародейству ж и чернокнижию, звездозаконью же и астрологи, живой во граде Киеве, знаем сый тогда сущему князю Михаилу. Сей пришед в Новград, и прельсти попа Диониса ...» (Новгородские священники Дионисий и Алексей стали первыми последователями этой ереси. Затем оба переехали в Москву, где занял] влиятельное положение как священники кремлевских соборов.)

Политика польского короля великого князя литовского Казимира, направленная на захват Польшею Вольт ни и Подолии, вызвала большое раздражение со стороны литовских магнатов и русских князей. В их среде зародился план посадить на великокняжеский престол Семена Олельковича. Только смерть главы заговорщиков — наиболее влиятельного литовского магната, фактически управлявшего великим княжеством, Яна Гаштольда (1462) помешала осуществлению заговора.

Обеспокоенное возросшей ролью Киева в политической и экономической жизни страны польско-литовское правительство после смерти Семена Олельковича в 1471 г. ликвидировало киевское княжество и превратил его в воеводство. Воеводой был назначен литовский магнат католик Мартин Гаштольд. Киевляне дважды отказывались принять его и не пускали Гаштольда в город. Лишь собрав значительное литовское войско, Гаштольд смог войти в город. «И оттоле на Киев князи престаша быти, а вместо князей воеводы насташа»,— отмечал летописец. Ликвидация удельного княжения сопровождалась усилением гнета литовских феодалов. В киевском замке постоянно находился большой литовский гарнизон, в поветах и волостях была новая литовская администрация.

Усиление гнета вызвало противодействие со стороны населения Киевщины. Местные феодалы стали готовить вооруженное выступление против литовского господства. Во главе заговора стали князья Михаил Олелькович, Федор Бельский и Иван Гольшанский. Заговорщики собирались убить Казимира IV, посадить на великокняжеский престол Михаила Олельковича, а если не удастся, то «отсести» от Литвы со всеми землями восточнее р. Березины и присоединиться к Московскому государству. Заговорщики рассчитывали на помощь войск Ивана III.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 7, с. 361.

Однако заговор был раскрыт и его организаторы — Михаил Олелькович и Иван Гольшанский — были публично казнены 30 августа 1481 г. на Замковой горе. Ф. Бельскому удалось бежать в Москву.

Такой же неудачей окончилось выступление украинских феодалов во главе с Михаилом Глинским в 1508 г. Это была последняя попытка возобновления киевской государственности. Киевляне активно поддержали восстание, но оно не распространилось на другие земли и завершилось неудачей. М. Глинский бежал в Москву.

Итак, все попытки отстоять независимость Киевской земли, восстановить былую государственность, заканчивались неудачей. Одной из главных причин была узкокласовая политика князей, возглавлявших антипольскую и антилитовскую борьбу. Они боролись прежде всего за свои интересы и опирались не на широкие народные массы, а на своих «собратьев» — украинских и белорусских феодалов.

Литовское правительство плохо охраняло южные границы государства. Этим пользовались крымские татары, которые с конца XV в. систематически совершали опустошительные набеги на территорию Украины, сжигали города и села, угоняли сотни тысяч людей в рабство.

В 1482 г. огромное крымское войско под предводительством самого хана Менгли-Гирея появилось под Киевом. «На уведение пресвятое Богородицы (21 ноября. — Г. И.) взяли татарове Киев и воеводу киевского пана Ивана Ходкевича и с панею, и з сыном паном Александром взяли, и пусто вчинившы, замок сожъгли, и сами пошли проч». Город был разграблен, сожжен, большинство населения вместе с воеводою угнали на невольничьи рынки.

На восстановление замка и города литовское правительство согнало из Полесья свыше 20 тыс. землекопов, плотников, столяров, штукатуров и др. Дерево для восстановления замка сплавлялось из-под Рогатина. Тем не менее город отстраивался медленно, многие монументальные сооружения пребывали в запустении.

Крымчаки появлялись на Киевщине и Волыни едва ли не ежегодно, и это, конечно, отрицательно сказывалось на развитии украинских земель, прежде всего Киева. Сравнение люстрации (описи) Киевской земли 1471 г. с люстрациями середины XVI в., показывает, что количество населенных пунктов, а также дворов в них к середине XVI в. резко сократилось. Именно в эти десятилетия Киев и приобрел тот печальный вид, который описывают путешественники XVI—XVII вв. Погибли или были разрушены многие каменные сооружения, которые сохранились в XIII—XIV вв.

В 1494—1497 гг. киевляне добились предоставления городу Магдебургского права. Город освобождался от управления и суда великокняжеских наместников, от всяких натуральных повинностей, однако должен был вносить в казну денежные отчисления от городских торгов и промыслов. Литовское правительство стремилось этим шагом привлечь на свою сторону городской патрициат и обеспечить приток нового населения в Киев.

Политическое и экономическое развитие Киева в XIV—XV вв. не было равномерным и одинаковым. Для первого столетия после Батыева разгрома характерно медленное постепенное восстановление хозяйственной и культурной жизни. Слишком силен был удар, полученный городом в 1240 г., слишком тяжел был гнет ордынского ига. После освобождения от непосредственной власти Золотой Орды возросло политическое значение города. Здесь чеканили собственную монету, продолжалось летописание. Но активное развитие Киева было задержано битвой 1399 г. на Ворскле, разорением города Едигеем в 1416 г., феодальной борьбой в Литовско-Русском государстве. Во время правления Олельковичей наступил новый период ускоренного развития города, прерванный действиями Крымского ханства и католической Польши. Разгром Киева 1482 г., почти ежегодные набеги крымских татар в конце XV — начале XVI в., усиливающаяся экспансия польской шляхты стали причиной нового затяжного кризиса в экономике и

культуре Киева. К этому времени все положительные факторы вхождения Киева в состав Литвы изжили себя.

Киевское княжество было ликвидировано. Литовская митрополия находилась в Вильно и полностью подчинялась польско-литовскому правительству. А в 1569 г. Киев попал уже непосредственно под власть католической Польши. Впереди была новая борьба против иноземного гнета, борьба за воссоединение с Россией.

КИЕВСКИЕ РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ

Пожалуй, самый страшный удар-нашествие Батяя нанесло высокоразвитому ремесленному производству Киева. Многие мастера погибли в боях, часть была уведена в рабство, некоторые спасались в городах Галицко-Волынского княжества, Северо-Западной Руси и т. д.

Общий объем ремесленного производства города был невелик, упростилась и огрубела техника. Ряды киевских ремесленников пополнялись выходцами из сельской местности, из других городов, которые не владели высочайшим искусством древнерусских мастеров. Не было и материальной базы, необходимой для ювелирного и камнерезного дела, иконописи, стеклоделия. Наиболее распространенными в первый период после нашествия были жизненно необходимые специальности: гончары, кожевники, кузнецы, сапожники, портные и т. д.

Большинство ремесленников жили на Подоле. Обычно мастера определенной специальности селились в одном районе, удобном для производства (близость к воде, сырью и т. д.). От этих ремесленных слобод в топонимике Подола остались названия улиц — Кожемяцкая, Гончарная, Дегтярная и т. д.

Наши знания о киевском ремесле того времени ограничены. Письменные источники скупо освещают лишь XV в. Но, хотя археологическое исследование Киева этого периода началось недавно, тем не менее находки позволяют говорить о развитии гончарного, кузнечного, литейного, ювелирного, косторезного, стеклоделательного ремесел.

Известно, что уже в XV в. киевские ремесленники объединялись в цеховые организации. О более раннем периоде данных нет, документы не сохранились, но, вероятно, цеха возникли в Киеве задолго до этого времени.

Социальный состав цехов был неоднородным. Мастера обычно держали подмастерьев и учеников, которых жестоко эксплуатировали. В городе существовали также ремесленники, не входившие в цеха, «партачи», работавшие в гораздо более тяжелых условиях. Кроме того, были ремесленники (иконописцы, ювелиры-литейщики и т. д.), трудившиеся при крупнейших монастырях. Особо прославились изделия киевских Стрельников, изготовлявших стрелы для лука с железным наконечником и орлиным пером. М. Литвин сообщал, что за десяток знаменитых киевских стрел давали барку соли с Качибеевского лимана.

Одновременно с ремеслом развивалась торговля. Киев продолжал оставаться одним из крупнейших центров внутренней и международной торговли. Даже в первые годы после Батыева нашествия город посещали иностранные купцы.

На древнем «торговище», размещавшемся на современной Красной площади, стояли многочисленные лавки, склады. Невдалеке находились гостиные двory. Для торговли отдельными товарами были специальные ряды: хлебные, рыбные и т. д. Городские весы, меры длины (локоть) и объема (кварта, ведро) хранились в городском соборе — церкви Пирогощи.

Постоянно торговали продуктами питания: зерном, мясом, рыбой, птицей, яйцами, маслом, сыром, медом и т. д.: «Который кадю меду або рыбы добудеть, до Киева возит того продавати и за то себе жыта и иных живностей куповати». Здесь можно было купить все, чем славилась округа города: мед, жито, бобры, куницы лисицы, крупная и

пернатая дичь, свежая и вялен, рыба. Реки в районе Киева, по свидетельству современников, «изобилуют невероятным количеством осетров других больших рыб, поднимающихся вверх по рекам пресную воду». Из сел привозили сено, солому, дров, древесный уголь, строительный лес и т. д., приобретая в Киеве ремесленные изделия, прежде всего ткани предметы из железа.

Важная роль в развитии внутреннего рынка принадлежала ярмаркам. На них торговали большими партиями товара, прежде всего крупным рогатым скотом, лошадьми, шкурами и мехами. В Киев, где ярмарки в XV происходили два раза в год, сгоняли огромные стада волов со всего Поднепровья и Побужья, а также из Молдавии. У нас нет точных данных о размере торговли XV в., но в какой-то мере об этом можно судить по такому факту: только за июнь 1534 г. через небольшой западноукраинский город Городок перегнали из Киева по пути в Силезию 12 тыс. голов крупного рогатого скота:

Киев обладал правом «склада»: приезжие купцы обязаны были продавать здесь свои товары, а проезд дальше им был запрещен. В конце XV в. литовские послы говорили Ивану III: «А иные гости заморские николи не бывали в нашей земле далее Киева; до Киева приезживали с товары и, попродавши товары в Киеве, опять за ся с Киева ворочались: бо здавна бывало и за отца нашего всим гостем заморским склад бывал в Киеве»

В развитии Киева большую роль играли торговые пути, идущие через город. По-прежнему по Днепру и его притокам (прежде всего по Десне и Припяти) с весны до поздней осени двигались баржи и лодки с различным, товарами. Через Киев проходил путь из России в страны Западной Европы, Балканы. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные находки в Киеве и на Киевщине пражских грошей, литовских, польских, венгерских монет.

Киев был главным центром, где купцы из стран Восточной Европы собирали караваны для отправки в Крым, Турцию, страны Ближнего Востока.

Важнейшую роль в торговле Киева играли его контакты с различными русскими городами (Москвой, Тверью, Новгородом, Смоленском, Рязанью и т. д.). По мирному договору 1371 г., заключенному Ольгердом и Дмитрием Донским, разрешалась взаимная свободная Торговля на территории обоих государств. О давних связях свидетельствует и договор тверского князя Бориса Александровича с Витовтом (1427), который разрешил русским купцам торговать в Киеве. Выражение договора: «Пошлины имати по-давньому, а нового не примышлять» — ясно указывает, что киевско-тверская торговля имела многолетние традиции.

Монеты Владимира Ольгердовича были обнаружены в Брянске, Смоленске и других городах. В свою очередь, на Киевщине и Черниговщине найдены клады с монетами, чеканенными в русских городах.

О торговле с Москвой говорил венецианский посол Контарини, посетивший Киев в 1474 г.: «В Киев съезжается множество купцов из Великой России с различными мехами, которые они отправляют в Кафу с караванами». Р. Гейденштейн отмечал, что «в Киеве есть немало купцов, занимающихся торгом с Москвою».

В Киев привозили меха, железные и деревянные изделия, седла, сбрую, оружие, ткани, кожи и т. д., а отсюда увозили лошадей, овец, соль, поташ, смолу, а также восточные товары.

Через Киев преимущественно велась московская торговля с Крымом и дальше, со странами Востока, поскольку путь через Киев считался самым безопасным (насколько вообще можно говорить о безопасности в то время) и, с точки зрения местных властей, единственно легальным.

Купцы были обязаны ездить строго определенными Дорогами, где располагались таможи и «складские» города. В 1498 г. в Путивле литовскими властями был задержан посол Плещеев «со многими гостями». Он обвинялся в том, что «гостей-купцов приводят с собою мимо наши головные мыта, а там, в нашей земле, в Киеве и 8 Луцку склады

издавна были всяким купцам заморским». Караванам, которые уклонялись от указанных Дорог, чтобы не платить пошлин, власти не гарантировали безопасности и лишали права на возмещение убытков.

На жалобы Крыма по поводу разгрома караванов у Санжар был дан следующий ответ: «Тыи купцы сами себе в том кривы, иж опустивши дороги свои звечистый, стародавние и нейдучи с товари своими, водле давнего обычаю на замке е. м. (его милости.— Г, И.): Киев, Черкасы и Канев, яко и первой бывало, а иншими дорогами новыми необычайными, где есть великая небезпечность, с товари своими пошли, а до замков... дорогою ити не хотели».

М. Литвин сообщал, что «при проходе каравана значительные доходы извлекают киевские жители: воеводы, мытники, купцы, менялы, лодочники, извозчики, трактирщики и шинкари, и обстоятельство это не вызывало поныне ничьих жалоб, ни со стороны москвичей, ни турок, ни татар».

В Киеве размещались торговые колонии русских, польских, византийских, турецких, армянских и итальянских купцов. Особенно богатым был генуэзский торговый двор. Довольно обширная армянская колония имела на Подоле свою церковь.

«Киев изобилует иностранными товарами,— отмечал М. Литвин,— ибо нет пути более обычного, как древняя, давно проложенная и хорошо известная дорога, ведущая из черноморского порта, города Кафы, через ворота Таврики (Перекоп. — Г. И.) на Таванский перевоз на Днепре, а оттуда степью в Киев; по этой дороге отправляют из Азии, Персии, Индии, Аравии и Сирии на север в Московию, Псков, Новгород, Швецию и Дани все восточные товары, как то: дорогие камни, шелк и шелковые ткани, ладан, благовония, шафран, перец и другие пряности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы; они составляют отряды, иногда в тысячу человек, называемые караванами, и сопровождают обоз состоящие из многочисленных нагруженных возов и навьюченных верблюдов».

В других письменных источниках упоминается о том, что в Киев привозили сафьян, бархат, тафту, конскую сбрую, кожаные изделия, оружие.

Из Киева в Крым и Константинополь вывозили зерно, мед, воск, шапки, пояса, мечи, ножи, серпы, стрелы для луков, ювелирные изделия.

Но, конечно, главным предметом «экспорта» было зерно. О хлебной торговле Киева упоминал хан Менг ли-Гирей: «Шиг-Ахмат царь, коли на своей Ореде был, тогда наши базаране до Киева поехали жита купи ти». Хлеб с Киевщины шел морем далеко за предел Крыма.

Особую статью торговли с Крымом составлял аргиш — степные стада коней, овец и всякого «быдла». В Причерноморских степях процветало скотоводство, и татар скапливалась масса аргиша, которая нуждалась «сбыте. Очень высокая сумма пошлин с аргиша и обязательное присутствие при взимании пошлин правительственного чиновника свидетельствуют об исключительной важности этого рода торговли.

Величина таможенных пошлин, собираемых в Киеве, также указывает на большое значение города как торгового центра. Даже после Менгли-Гиреевой «исказы» он занимал в Великом княжестве Литовском и Русском первые — вторые места по количеству пошлин, лишь иногда уступая Луцку или Берестью.

Значительную роль в киевской торговле играла также и соль, которую привозили из Галича и Качибеевских лиманов. Качибеевскую соль вывозили киевские чумаки («соляники») целыми партиями, которые назывались «десятками». Излишек соляного привоза отправляли из Киева вверх по Днепру и Припяти на Мозырь и дальше.

Несмотря на то что торговый оборот и постоянные торговые связи в XIII—XV вв. не достигали того уровня, который был до нашествия Батые, Киев был экономическим центром Поднепровья и активно участвовал во внутренней и внешней торговле.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ КИЕВА XIV—XV ВВ.

Чтобы изучить историю средневекового города, необходимо знать его топографию: она дает представление о территории города, плотности заселения, интенсивности жизни различных его частей, расположении монументальных памятников и т. д. Вопросы позднесредневековой исторической топографии являются наименее изученными в киевоведении.

Прежде чем приступить к непосредственному рассказу об исторической топографии, следует сказать несколько слов о времени и причинах разрушения древнерусских памятников каменного зодчества.

Традиционно считается, что все не сохранившиеся до нашего времени соборы и дворцы Киева X—XII вв. погибли в 1240 г. Это мнение основывается прежде на том, что в дошедших до сегодняшнего дня письменных источниках ничего не говорится о Киеве XIУ-XVI вв., а также на многочисленных известиях XVI—XVII вв. о развалинах каменных сооружений города. Однако летописи не упоминают также и о разрушении какой-либо церкви (кроме Десятинной) в 1240 г. А ссылка на путешественников и писателей конца XVI—XVII вв. является методически ошибочной, поскольку их описания свидетельствуют только о состоянии конкретных памятников в этот период, но не фиксируют времени их разрушения.

Таким образом, широко распространенное мнение о гибели большинства древнерусских памятников именно в 1240 г. не является достаточно обоснованным.

У кочевников не было причин для уничтожения церквей, это противоречило их традиционному покровительственному отношению к религии в завоеванных странах. Существуют сведения о тринадцати-четырнадцати сохранившихся после 1240 г. памятниках — практически трети всех ныне известных древнерусских. Следует учитывать и то обстоятельство, что далеко не все каменные сооружения Киева дожили до XIII в. Особенно это касается сооружений первой половины X в. (например, «терема вне града» княгини Ольги).

Древнекиевские каменные сооружения не были уничтожены в 1240 г. Они разрушались в течение довольно длительного времени из-за отсутствия достаточных экономических ресурсов, средств, необходимых для поддержания существования любого памятника.

Такие разрушения от ветхости либо каких-то строительных ошибок были нередки. Например, в 1105 г. «увалися верх святого Андрея» — церкви, заложенной лишь в 1086 г. князем Всеволодом Ярославичем. В 1108 г. «кончаша верх святыя богородица Влахерны на Клове», который обвалился, вероятно, вскоре после постройки собора.

А вот летописные известия о памятниках других городов.

Новгородская церковь Иоанна Предтечи, построенная в 1127—1130 гг., была снесена уже к 1184 г. «В лето 6701 (1193. — Г. И.) обновлена бысть церкви в Суздале тем же епископом Иоанном, иже бе опала старостию безнарядием...» В 1222 г. «князь велики Юрьи Всеволодичь заложи церковь камену святыа Богородици в Суздале на первом месте, разрушив старое здание, понеже уже начяла бе рушиться старостью, верх еа пал бе». В 1264 г. «князь Константин Всеволодичь Ростовский заложи церковь пречистыа Богородици на первом месте падшиися церкви». «В лето 1276 опаде стена у святей Софии до основы от Неревского конца» в Новгороде. Как известно, завоеватели до Новгорода не дошли, и это «падение» никак не может быть с ними связано. Впрочем, нашествие Батгя сказалось и на каменном строительстве Новгорода, которое прекратилось почти на полвека. В Новгороде же в 1352 г. «поставиша церковь камену Святых 40, а преж того также камена была, но сама палася от старости и от великих пожаров».

Весь этот далеко не полный список древнерусских построек, которые «опали старостию», убеждает, что многие киевские соборы могли прийти в упадок и рухнуть именно по этой причине.

Отметим также, что до нашего времени сохранились некоторые соборы, которые подверглись вражескому штурму. В 1237 г. в Успенском соборе во Владимире «татары... у церкви двери высекли, много древня ваволочища, и тако запалища». Тем не менее собор хорошо сохранился — он был только ограблен, хотя все-таки в нем сбереглись некоторые предметы древнерусского искусства: знаменитая икона Владимирской Богоматери XII в., Сион Андрея Боголюбского, икона Богоматери Боголюбской XII в., икона «Спас златые власы». Основной целью захватчиков был грабеж (золотые и серебряные оклады, украшенные драгоценными камнями, кресты, сосуды, парадная одежда и т. д.), а не физическое разрушение каменного здания.

Какая-то часть киевских сооружений погибла, вероятно, и в ходе боев 1240 г., по видимому, от сильного пожара, охватившего город. По аналогичным причинам разрушены здания во время взятия Киева в 1416 и 1482 гг., причем тогда применяли уже и артиллерию.

Еще одна причина гибели древнекиевских сооружений — стихийные бедствия: наводнения, пожары, землетрясения. Например, землетрясение 1230 г.: «Месяца мая в 3... в Киеве граде больши того наипаче бысть потрясение: в монастыри Печерском церкви святая Богородица каменная на 4 части разступися... Потрясе и трапезницею каменею... камение сверху падаа... В Переяславли же Русском церкви святого Михаила разседеса на двое, паде же и перевод трех комар и с кровлею». Большую опасность для зданий Подола представляла и мощные днепровские наводнения.

Нельзя не сказать и о таком существенном факторе, сыгравшем отрицательную роль в сохранности древнерусских храмов, как запрещение польско-литовского правительства в 1481 г. ремонтировать и восстанавливать православные храмы.

Таким образом, спектр причин гибели древнерусских памятников достаточно широк и нет веских оснований относить их гибель исключительно к 1240 г. Время разрушения каждого памятника следует исследовать конкретно и индивидуально.

И, конечно, далеко не случайно сохранились именно те монументальные постройки, которые имели достаточно сильную экономическую поддержку: Софию, Пирогошу, ротонду содержали митрополия, князья, городской патрициат; Успенский, Михайловский Златоверхий, Кирилловский, Выдубицкий соборы принадлежали монастырям, которые сами являлись крупными феодалами. А гибли и разрушались прежде всего приходские церкви и другие здания, не имевшие экономической помощи. Но и для того чтобы содержать в должном порядке главные монументальные постройки Киева, требовались значительные средства, которых хватало далеко не всегда. Все это дает право сделать вывод, что именно уничтожение в 1240 г. экономической базы Киева было главной причиной гибели большинства памятников древнекиевского зодчества.

После работ М. К. Каргера утвердилось мнение, что в Верхнем Киеве отсутствуют культурные слои второй половины XIII—XVI вв. Ученый писал: «В Киеве, где раскопки производятся в центре большого современного города, под верхним мощным слоем, отражающим в основном очень позднюю историю города XIX—XX вв., слоем, который отложился в результате бурной деятельности (строительной и планировочной), развернувшейся в середине XIX в., под этим слоем, достигающим 1,5—2 м, исследователь нередко попадает непосредственно в слои, насыщенные находками эпохи Киевской Руси». Наблюдение это, безусловно, верное, однако оно не только не подтверждает гипотезу ученого, но и говорит об обратном, объясняя, почему в раскопках слои XIV—XVI вв. здесь практически не встречаются: их попросту уничтожила «бурная строительная и планировочная деятельность» XIX—XX вв.

Тем не менее это мнение получило широкое распространение и в настоящее время является преобладающим. Очень наглядно оно выражено в книге Л. В. Успенского и К. Н. Шнейдера «За семью печатями. Очерки по археологии» (М.: Молодая гвардия, 1958). По словам авторов, «в пределах древних стен Владимирова и Ярославого городов на несколько столетий простерся дикий пустырь, где среди бурьяна, а, возможно, и на-

стоящего леса, в жутковатом величии вздымались над безлюдной холмистой и овражистой местностью могучие стены заброшенных великолепных зданий и храмов. Жители покинули старую столицу. Волки выли и кукушки; куковали там, где недавно шумела и дышала краса и гордость древней Руси. И запустение это продлилось до XVI—XVII веков». Весьма эффектная и эмоциональная картина, которая, однако, не соответствует исторической истине.

Территория Киева XIV—XV вв. в основном осталась в границах города древнерусского времени. Об этом свидетельствует грамота великого князя Александра от 14 мая 1499 г., в которой определялись различные повинности и подати мещан. Там указаны границы города; от Золотых ворот в Верхнем городе до р. Почайны на Подоле. Сама грамота фиксирует любопытный штрих из жизни Киева того времени. Таможенные пошлины тогда собирались с каждого воза независимо от количества товара. И «купцы коли едут с Киева и возы свои товаром тяжело накладывают, для мыта, и ижбы возов меньшей было». Однако тяжело перегруженные возы были мало приспособлены для Киевских гор и часто ломались. В ответ на хитрости купцов власти постановили, что «в которого купца воз поломится с товаром: на одну сторону по Золотые ворота, а на другую сторону — по Почайну реку, ино тот воз с товаром биривали на воеводу Киевского». Об этом же указе повествует и С. Герберштейн. С основным ядром Киева была тесно связана и городская околица — пригородные монастыри, княжеские села и дворы (Клов, Печерский монастырь, Берестово, Угорское, Выдубичи, Дорогожичи, Милославщина, «городок Семена Олельковича» на Левобережье).

Верхний город. Верхний Киев составляют исторически сложившиеся его части, которые в литературе приобрели условное название «города Владимира», «города Ярослава» и «города Изяслава».

Самой древней территорией Верхнего города, наиболее пострадавшей в ходе боев в декабре 1240 г., был «город Владимира». Как уже говорилось, традиционно считалось, что жизнь здесь прекратилась вплоть до XVII в.

По мнению Л. В. Успенского и Х. И. Шнейдера, «между временем Б. Хмельницкого и П. Могилы, с одной стороны, и днями древних Рюриковичей, с другой, — ничего, нет никакого перехода... Целый огромный период истории города... не оставил здесь, на Андреевской горе Киева, решительно никаких следов, точно этих столетий вовсе не было».

Какими же данными мы располагаем, чтобы считать это мнение ошибочным?

На территории «города Владимира» в XIV—XV вв. «функционировало» по крайней мере три каменных сооружения древнерусского времени.

Ротонда — резиденция киевской сеньории в конце XII — начале XIII в. На ее стенах, открытых раскопками Я. Е. Боровского и П. П. Толочко 1975—1976 гг., хорошо заметны следы ремонта XIV—XV вв. Кирпич, уложенный в венской системе кладки (употребляемой с XIV в.), и раствор заметно отличаются от кладки древнерусской. Рядом нашли монеты Владимира Ольгердовича и вислые свинцовые печати, что подтверждает мнение о существовании ротонды в XIV—XV вв.

Федоровский монастырь упоминает Ипатьевская летопись под 1259 г. Князь Даниил Галицкий церковь Иоанна в Холме «украси же иконы, еже принесе ис Кыева... Спаса и пречистое Богородице, иже ему сестра Федора вда, из монастыря Федора». Этот монастырь построил князь Мстислав Великий, и он стал усыпальницей всего «Мстиславого племени». А Даниил Галицкий являлся прямым потомком Мстислава.

Трехсвятительская (Васильевская) церковь, стоявшая на великом князем дворе, сохранилась (с различными ремонтами) практически до наших дней.

Да и в самом Десятинном соборе была построена небольшая деревянная церковь, получившая название по почитаемой иконе Николы Десятинного. Здесь хранилась древняя икона с изображением Богородицы, которая в 1500 г. была перевезена в Минск, в Петропавловский собор.

Люди не покинули этот район: об этом свидетельствуют обнаруженные здесь остатки жилищ, печи, керамика XIV—XV вв. Кладбище этого периода открыто П. П. Толочко и С. Р. Килиевич на террасе Старокиевской горы в 1968 г. Интересно, что одно из захоронений было пробито деревянным колом — наглядный пример суеверий, «борьбы с нечистой силой».

Нумизматические находки (монет Владимира Ольгердовича, пражского гроша XIV в.) также не позволяют говорить о прекращении жизни на территории «города Владимира».

Вероятно, к этому же времени относятся и такие уникальные находки, как медный змеевик и вислые свинцовые печати. Змеевик был обнаружен С. Р. Килиевич в 1979 г. На одной его стороне изображен архангел Михаил, а на другой — голова Медузы. Лицевой стороной являлось изображение архангела Михаила, о чем свидетельствует значительная потертость (об одежду) его оборотной стороны. Надписи, идущие по ободку изображения, малоразборчивы и пока не расшифрованы. Но некоторые детали позволяют предположить, что змеевик относится к XIV в. Так, змеи имеют звериные головы, что, по мнению Б. А. Рыбакова, больше характерно для послемонгольского времени. Начертание буквы «М» свойственно началу XIV в.

Две одинаковые свинцовые печати найдены при раскопках ротонды. Печати хорошо сохранились. На лицевой стороне их — поясное изображение Федора Стратилата с копьем и щитом. По сторонам от изображения идет зеркальная колончатая греческая надпись: «Святой Федор Стратилат». Обращает на себя внимание мастерская, уверенная прорисовка деталей, особенно складок плаща, его украшений. На оборотной стороне — четырехстрочная греческая надпись. Интересно, что печати оттиснуты одной матрицей, однако в одном случае свинцовая пластинка оказалась меньше матрицы.

Оформление обнаруженных у ротонды печатей не позволяет дать их бесспорную датировку и атрибуцию.

Один из возможных вариантов перевода греческой надписи на реверсе печатей: «Стратилат (Феодор) — скрепа посланий Нила». Если такое прочтение правильное, то владельцем печати, вероятно, являлся некий Феодор из окружения высокопоставленного сановника Византийской империи — Нила. Этот Нил должен был поддерживать тесные связи с Киевом. Самое известное в политической и церковной истории Византии лицо, носившее такое имя, — это патриарх Нил (1380—1388). Буквально с первых дней своего патриаршества Нил был втянут в церковно-политические дела на Руси. В 1384 г. он рукоположил в митрополиты всея Руси Дионисия Суздальского и пытался сместить Киприана с общерусской митрополии, после чего произошла известная история с арестом и заточением Дионисия в Киеве. Вполне реально, что именно в этот период происходил активный обмен посланиями между патриархом Нилом и Киевом. Возможно, какие-то грамоты или послания Нила привез с собой и Дионисий.

С определенной степенью уверенности можно утверждать, что в XIV в. ротонда была резиденцией князя Владимира Ольгердовича либо продолжала служить палатой для княжеских или боярских советов. Здесь могли принимать посланников константинопольского патриарха.

Таким образом, даже этот небольшой перечень археологических памятников убеждает в том, что и в первые века после Батыева нашествия «город Владимира» не был заброшен жителями.

В «городе Ярослава» также имеются свидетельства жизни, продолжавшейся здесь непрерывно и после 1240 г. Прежде всего надо сказать о Софийском соборе, который все это время оставался резиденцией митрополита. О нем достаточно часто вспоминают летописи, различные актовые документы. Небольшие контрфорсы, возведенные на восточном фасаде, говорят о ремонтных работах и реставрации, происходивших, по мнению историков архитектуры, при князе Семене Олельковиче.

В 1416 и 1482 гг. собор был разграблен татарами. От его богатой сокровищницы мало что уцелело. О непрерывном функционировании собора свидетельствуют граффити, обнаруженные С. А. Высоцким. Из них 75 относятся к XIII—XIV вв. и 24—к XV—XVII вв.

Неподалеку от Софийского собора находился патрональный храм Ярослава Мудрого — Георгиевский. Мы полагаем, что он также уцелел после 1240 г. и просуществовал еще достаточно долго. В 1561 г. о нем упоминает Новгородская вторая (архивная) летопись, повествуя об освящении Козмодемьянской церкви на Щит-ной улице. Освящение происходило 26 ноября — в день святого Георгия. И, сообщая об этом, летописец по ассоциации упоминает о том, что в его честь существует церковь «иже во гради в Киеве пред враты святыя Софеа». Во всяком случае, в 1674 г. в Киеве прекрасно знали местонахождение этой церкви, когда князь Ю. П. Трубецкой начал строить на том же месте новую деревянную Георгиевскую церковь.

На углу Стрелецкой ул. и Георгиевского переулка находился большой собор, построенный во времена Ярослава Мудрого. Его развалины обнаружены в 1731 г. при постройке стены вокруг усадьбы Софийского собора. Первое упоминание об этих развалинах мы находим в Киевском месяцеслове на 1799 г., сочиненном Иринеем Фальковским. В перечне древних киевских храмов он пишет: «Церковь каменная в смежности Софийской и Георгиевской, выше под числом 6, 7 описанных, создана в. кн. киевским Ярославом Владимировичем святыя Ирины с монастырем того же именованя, вероятно девичьим, по имени ангела супруги его королевы шведской Индигерды, в крещении нареченной Ириной 1037 г.». М. Ф. Берлинский и Е. А. Болховитинов так же отождествляли обнаруженную постройку с Ирининским собором.

В 1909—1910 гг. известный археолог Д. В. Милеев произвел архитектурно-археологическое исследование собора. Тщательно изучая стратиграфию культурных слоев, он выяснил характер и последовательность разрушения памятника. Храм, действовавший с XI по XIII в., после этого пришел в запустение, но разрушение его было постепенным и протекало длительное время. Только в значительно более позднее время храм был окончательно разобран с целью добычи строительных материалов — кирпича и, главным образом, бутового камня из фундаментов. Д. В. Милеев относил окончательное разрушение храма к XVII в. М. К. Каргер полагал, что это произошло после 1731 г. Так или иначе, исследования показали, что Ирининский собор не был уничтожен в 1240 г.

Золотые ворота также не были разрушены ханом Батыем. Они оставались парадным въездом в Киев еще в середине XVII в. Время разрушения надвратной церкви Благовещенья остается невыясненным.

Как полагает исследователь Киева Н. И. Петров, в районе пересечения нынешних улиц Б. Житомирской и Чкалова находилась еще одна церковь — Спасская. Остатки ее обнаружены в 1897 г. По строительному материалу (плинфа, желобчатый кирпич XIV—XV вв., разноцветные поливные плитки) можно сделать вывод, что это, вероятно, была древнерусская постройка, которая ремонтировалась в XIV—XV вв.

Археологические исследования 1969 г., проведенные П. П. Толочко по ул. Большой Житомирской, 24, показали наличие в этом районе материалов XIV—XV вв. Такие же материалы выявлены М. Ю. Брайчевским (1969) в Кияновском переулке.

В «городе Изяслава» продолжал существовать еще один великолепный памятник древнерусского каменного зодчества — Михайловский Златоверхий собор. В дарственной грамоте Печерскому монастырю от 21 ноября 1398 г. фигурирует «Святаго Михаила Златоверхого игумен Стефан Переломило».

Около 1470 г. некая княгиня Ирина даровала монастырю землю пашенную «Орининскую» и Девич-гору над Лыбедью с мельницей, лесом и пасекой, а в самом монастыре «созда каменный придел церкви въеханя Господня в Иерусалим». В 1482 г. собор пострадал от татар: «тая церков Божья от вынятья киевского опустела, и хвалы

Божьи в ней не было». После этого монастырь упоминается несколько раз как опустошенный.

В 1523 г. Сигизмунд I дал жалованную грамоту на восстановление Михайловского монастыря и устройство в нем общины. Формулировки грамоты дали повод некоторым киевооведам писать, что только в это время после 1240 г. собор стал возрождаться.

Польский историк середины XVI в. М. Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» писал, что «две церкви — св. Марии (Софии. — Г. И.) и св. Михаила, доньше сохранили кое-какие полоски позолоты на крышах: татары, приходящие за добычей, глядя на них, называют Алтым бассина, то есть златоглавые, так как часть крыши у них позолочена».

Некоторые исследователи считали это сообщение М. Меховского выдумкой. Однако его достоверность была подтверждена обнаруженными недавно записками львовского купца М. Груневега, который побывал в Киеве в 1584 г. Он писал, что главный купол собора «имеет яркую позолоту, но края крыши вокруг свинцовые потому, что не хватило золота. Причина, что эта церковь покрыта золотом, такова. Когда Едига, как было сказано, овладел городом, убежали женщины в замок и молились богу. Поскольку он их защитил, решили дать свои драгоценности на позолоту церкви и это осуществили после того, как бог спас их от поганных». Причина, которую приводит М. Груневег, конечно, легендарная. Название «Златоверхий» известно еще с древнерусского времени, но сам факт позолоты купола теперь не вызывает сомнений.

Все эти данные свидетельствуют, что после того как войско Батые покинуло Киев, Верхний город сразу же стал отстраиваться и заселяться. Жизнь здесь не прекратилась. Да и трудно себе представить, чтобы соборная церковь митрополита всея Руси длительное время стояла среди сплошных развалин и пустырей.

Подол. В позднесредневековый период крупнейший ремесленно-торговый посад стал играть в жизни Киева еще более значительную роль. Сюда переместился центр городской жизни. Здесь проживала большая часть населения города, здесь находились органы городского самоуправления, ратуша. Рядом размещалась удобная киевская гавань. Поэтому неудивительно, что на Подоле стояли многочисленные купеческие склады, генуэзская, армянская и другие торговые колонии.

Подол в период позднего средневековья стал даже в какой-то мере синонимом Киева. В документах того времени его называют то «нижним городом», то «новым городом», то просто Киевподолом.

Из трех известных по летописям подольских церквей две продолжали существовать и после 1240 г.

Церковь Успения Богородицы Пирогощей стояла на торговом месте она была городским собором, здесь хранился городской архив. Сведений о ней почти не сохранилось. Известен антиминс (вышитое покрывало, лежавшее на церковном престоле), освященный для этой Церкви 20 марта 1474 г. В 1482 г. во время нападения Менгли-Гирея Успенская церковь была «изнищена и ободрана»; но вскоре восстановлена и упоминается под 1513 г. Археологические исследования церкви не показали каких-либо особенных разрушений памятника в 1240 г. При раскопках найдена керамика XIV-XV вв., золотая серьга этого периода, литовские монеты XIV и XV вв., двусторонняя костяная иконка в серебряном окладе.

Борисоглебская «небеси подобная церковь» была опустошена в 1482 г., книги ее и среди них церковный помянник сожжены, а священник захвачен в плен, из которого он бежал через несколько дней и по памяти восстанавливал помянник. Но сама церковь после этого полностью так и не отстроилась. В начале XVII в. ее остатки были разобраны.

В описи середины XVI в. на Подоле перечислялись дома священников: Пречистенского (Успенского), Борисоглебского, Никольского, Воскресенского, Никольско-Набережного, Спасского, Рождественского и Афанасьевского. Предполагают, что стоял тогда и Фроловский женский монастырь. Вероятно, если и не все, то большинство их существовало еще в XV в. Скорее всего, они были деревянные, некоторые в

весьма плачевном состоянии и разрушались. Так, Афанасьевская церковь после 1552 г. уже не упоминалась.

Очень важные данные получены во время раскопок 1975 г. на ул. Зелинского, на подворье Покровской церкви (1766). Здесь открыты фрагменты неизвестного каменного сооружения. На глубине около метра под завалом строительного мусора (битой плинфы и кирпича, штукатурки, фрагментов фресок и шифера) расчищен пол из майоликовых плиток трех цветов: желтого, зеленого и синего. Если первые два цвета характерны и для древнерусского времени, то синий встречается лишь в позднесредневековое время. Рядом, за порогом, находилась вымостка из желобчатого кирпича. Сохранилась часть кладки фундамента и стены. Внешние ряды выложены из плинфы. В забутовке — валуны дикого бута и битая плинфа, скрепленные песчаноизвестковым раствором. Нижние 18 рядов внешнего ряда плинфы фундамента выложены на глине. Остальная часть сооружения уходит под мостовую.

Анализ строительного материала показал, что по типу сырья и структуре растворы, плинфа и фресковая штукатурка не имеют аналогий в древнерусском зодчестве. По своему характеру они относятся к XIV — началу XV в. Письменные документы дают возможность отождествить обнаруженное сооружение с храмом Рождества Богородицы.

Материалы XIV—XV вв. встречались в разных местах Подола. На ул. Боричев Ток — литовские монеты XIV в. и пражские гроши Вацлава IV, на Житием торге, Красной площади — печные изразцы горшечного типа. Такие изразцы ставились закрытой частью в сторону печи, а открытой — в помещение. На улицах Волош-ская, Андреевская и других найдена керамика XIV—XV вв. На ул. Андреевской впервые обнаружено стекло.

Подол был обнесен деревянными стенами с башнями и окопан рвом. Представление об укреплениях Подола дает план подполковника И. Ушакова 1695 г.

Замковая гора. Над Подолом на высоту 70 м возвышается гора. В конце V в. здесь находилось первое киевское поселение. В конце XIV в. Владимир Ольгердович возводит на ней мощный замок. С тех пор она стала называться Замковой горой. В XVII в. у горы появилось еще одно имя — Кисилевка (от фамилии украинского магната, последнего польского воеводы, сидевшего в замке, — А. Кисиля). Еще позднее она переходит во владение Фроловского женского монастыря и приобретает название Фроловской.

В XIV в. у Киева не было достаточно воинов, чтобы защищать весь огромный периметр старых валов «города Ярослава». Поэтому новый детинец, где находился князь (а позднее воевода), разместили на Замковой горе, которую защитить было гораздо легче. Здесь укрывалось от опасности городское население. Поэтому не Удивительно, что здесь часто находят остатки укреплений и построек, фрагменты посуды, печные изразцы этого периода, монеты Владимира Ольгердовича и т. д.

До нас дошло подробное описание Киевского замка 1545 г., уже восстановленного в 30-х годах XVI в. городничим И. Служкою после разгрома, учиненного Менгли-Гиреем. В принципе замок начала XVI в. мало чем отличался от замка XIV—XV вв.

Оборонительные укрепления были построены по древнерусской системе: «Замок Киевский... з дерева сосноваго тесаного уроблен, городен — 133, удолж некоторые с них по 4 сажни, иншие меньши, вси з блинкованьем добрым, драницами не тонкими побитым, с помосты с подсябитьем з дверми, а с столбами, где их потреба».

Ряды срубов («городни») засыпались в середине землей, по верху шло «блинкование» — защитная стенка с бойницами и крытым верхом с «подсябитьем» (выдвинутой вперед части «блинкования» с отверстиями внизу для сбрасывания камней на осаждающих).

Стены были укреплены боевыми башнями: «Веж 15, рублены вежи совитыми стенами, а на 6 углов округло, нижли одна с них на 4 углы. Все вежи с подсябитьем а покрытьем добрым, с помосты с столбами, с стрельбами середними, верхними, и выведены дахи стенные повышей. Стены знадворья облеплены вси глиною аж до бланкованья, толсто на 2 пяди, а от земли толстей». То есть башни имели бойницы в три

этажа и завершались высокими шатровыми крышами, а деревянные стены для предохранения от огня были облеплены слоем глины.

В замок вело двое ворот: «Броны до замку две з баштами под вежами». Одни — Воеводские — со стороны Щекавицы. К ним шла крутая дорога, на которой зимой приходилось вырубать ступени. Вторые ворота — Драбские (Солдатские) вели в район современного Андреевского спуска, откуда легко было попасть и в Верхний город и на Подол. Перед Драбскими воротами был прокопан ров, «где может человек камней зруки докинути». Через него перебрасывался «мост... добр з узводом на ланцухах двух». За Драбские ворота отвечал ротмистр, и охрану несли солдаты гарнизона. Воеводские ворота охраняли киевские мещане. Кроме ворот из замка на Подол вела «фортка» (калитка), которая была, правда, «замкнена завжды, так в день, яко в ночи». На одной из башен находился городской «зекгар» — часы-куранты, которые «со всіми приправами выбивает 24». За ними наблюдал специальный «зекгамистр».

Середина замка была густо застроена. Здесь находились дома воеводы, ротмистра, солдат гарнизона, киевской знати и некоторых монастырей (Печерского, Пустынно-Никольского), а кроме этого — многочисленные хозяйственные и военные постройки. В замке были четыре деревянные церкви: «3 русских, четвертая латинская». В замке был жизненно необходимый колодец «глубины 30 сажен, рублен с коловоротом, накрыт и замчист, воды в нем с сажень».

Перед Драбскими воротами находилось лобное место, где были казнены в 1481 г. Михаил Олелькович, а в 1630 г. — киевский полковник Кизим с сыном.

Местоположение замка указывает на то, что он построен в эпоху, когда огнестрельное оружие еще не было совершенным. Окружающие горы были равны по высоте, а некоторые поднимались выше Замковой.

Так, со Щекавицы «видно все посеред замку через стену, бо гора замковая стое стороны похила на дол, а в середине вышша нижли по краем». Гора Уздыхальница была настолько выше Замковой, что в 1617 г. ее пришлось срыть на «полшеста сажени» (около 11 м).

На рисунке А. ван Вестерфельда (1651) видны замковые постройки, деревянные стены, башни с высокими гранеными шатровыми завершениями, деревянный большой воеводский дворец с высокими крышами над вторым этажом и треугольными фронтонами, деревянными церквями с многоярусными, типичными для украинской архитектуры, верхами.

В 1416 г. замок успешно выдержал осаду войска Едигея. В 1474 г. киевский воевода Мартин Гаштольд принимал здесь венецианского посла Контарини. Через восемь лет замок был взят штурмом крымской ордой и совершенно разрушен.

Печерск. Самым большим окольным районом города был Печерск с его известными монастырями и пригородными селами.

Здесь находился самый большой и влиятельный киевский монастырь — Печерский, который продолжал оставаться крупным идеологическим центром не только Киева, но и всех православных земель, «поставщиком» церковных деятелей самого высокого ранга для различных русских княжеств.

Сообщение Синописа, составленного во второй половине XVII в., о судьбе Печерского монастыря после взятия Киева Батыем далеко не во всем соответствует действительности.

Вполне вероятно, что «нечестивые варвары овнами, или таранами стены каменные монастырские столкши до основания сокрушивши, в святую обитель внидоша; людей всякого чина посекоша, иных плениша... и самую небеси подобную церковь Пресвятыя Богородицы оскверниша, от всего украшения обняжиша и крест с главы церковный златокованный снята». Вполне возможно, что захватчики сами разрушили (а скорее всего приказали монахам разобрать) оборонительную стену монастыря. Хотя следует заметить, что в 1899 г. монастырь имел какие-то укрепления, поскольку татары Темир-Кутлуя не

смогли сразу захватить его и взяли с него лишь «окуп». А Троицкая надвратная церковь благополучно сохранилась до нашего времени.

Вызывает сильное сомнение, что кочевники «верх до полуцеркве по окна повелением проклятого Батыея испровергоша, такожде и верх олтаря великого по перси иконы пресвятыя Богородицы изща, и весь Монастырь со всеми украшениями и каменными стенами искорениша и разметаша». Вряд ли они занимались разрушением куполов собора. Да и само изображение Богородицы в центральной апсиде, по сообщению Павла Алеппского, существовало еще в XVII в.

Отметим, что всего за 10 лет до нашествия Батыея, в 1230 г., сильнейшее землетрясение значительно повредило здание собора. Образовавшиеся тогда четыре большие трещины были обнаружены при ремонте 1881 г. Разрушения, вызванные этим землетрясением, через несколько столетий стали связывать с именем Батыея.

Представления о том, что монастырь «чрез многие лета пребываша в запустении... черноризцы же по лесах и вертепах скитающеся», опровергаются анализом письменных источников.

Под 1273 г. упоминается архимандрит Печерского монастыря Серапион. В 1289 г. при описании похорон волынского князя Владимира Васильковича говорится о другом архимандрите монастыря — Агапите. Архимандрит Давид (вторая половина XIV в.) известен как духовник жены Ольгерда Ульяны. Послушниками монастыря были Дионисий и Стефан. Первый основал Печерский монастырь в Нижнем Новгороде, стал суздальским епископом, затем и митрополитом. Погребен Дионисий в том же Печерском монастыре. Стефан родился в Киеве, стал послушником Печерского монастыря. Позднее переехал в Москву к великому князю Ивану Ивановичу, в 1358 г. основал Махрищенский монастырь, являлся сподвижником Сергия Радонежского.

В монастыре были погребены княгиня Ульяна, Скиргайло, Владимир Ольгердович, сыновья Владимира Андрей и Олелько и многие другие.

Таким образом картина полного опустошения Печерского монастыря значительно преувеличена.

В 1416 г. монастырь пострадал во время нашествия Едигея. В 1470 г. были произведены большие ремонтные работы и реставрация Успенского собора на средства князя Семена Олельковича. А. Кальнофойский в своей «Тератургиме» (1638 г.) приводит текст эпитафии над погребением Семена Олельковича: «Посетитель. Каким образом ты видишь это великое здание? Каким образом ты осматриваешь это художественно воздвигнутое сооружение? Двести тридцать три года тому назад здесь были одни только обломки камней, когда церкви Батыем лишены были своей красоты. Оно воздвигнуто было иждевением князя Симеона в честь Бога и Пречистой Его Матери».

Заслуги Семена Олельковича в реставрации собора несомненны, но отсюда совсем не вытекает безусловный вывод о разрушении здания Батыем. Со дня основания Успенского собора прошло уже четыре столетия; добавим последствия землетрясения и влияние погромов 1240 и 1416 гг. на экономику монастыря. И неудивительно, что настала необходимость в ремонте здания.

Указание надписи на разрушение собора именно Батыем без сомнения принимается многими историками. Однако текст эпитафии, сделанной А. Кальнофойским на польском языке силлабическими стихами, одновременен всем остальным надписям и датируется началом XVII в. Таким образом, эта эпитафия является памятником XVII, а не XV в.

Все сведения о связи разрушения Печерского монастыря с разгромом Киева в 1240 г. (эпитафия, Синописис, свидетельства путешественников XVI — XVII вв.) позднего происхождения и носят фольклорный характер.

Набег 1482 г. несомненно нанес Печерскому монастырю ощутимый ущерб.

В рукописном помяннике, который был возобновлен после разорения монастыря Менгли-Гиреем, записано: «Первый упис изгорел 6911 (описка, нужно 6991 — 1482 г. —

Г. И.) пленением киевским безбожного царя Менкирея и с погаными Агаряны; тогда и сию божественную церковь опустиша и вся святые книги и иконы пожгоша; мы ж по днеш нескольких, из их поганьства изшедше, и паки начахом имена писати, ихже помняше, еже исперви написана быша».

И все же в монастыре поддерживалась письменная традиция, работала иконописная мастерская. Он продолжал оставаться важным идеологическим и культурным центром.

О богатстве монастыря в определенной степени свидетельствует найденный на его территории в 1902 г. клад: в горшочке было 2236 пражских грошей XV в.

Южнее Печерского монастыря находился другой древний монастырь — Выдубицкий. В Выдубичах в 1245 г. останавливался по пути в Золотую Орду князь Даниил Галицкий. Михайловская церковь XI в. (за исключением восточной части, рухнувшей в Днепр) сохранилась до нашего времени. Так что и этот памятник древнерусского зодчества не был разрушен Батыем. На околице монастыря раскопками И. И. Мовчана обнаружены остатки жилищ, хозяйственных ям, керамика XIII — XIV вв. Мощный культурный слой указывает на сравнительно интенсивную жизнь этого района в позднесредневековье. Рядом с Печерским монастырем располагалось княжеское село Берестово со Спасским храмом (начало XII в.), который также частично сохранился до нашего времени. Существует предположение, что рядом находился дворец Олельковичей.

Территорию Аскольдовой могилы и прилегающие земли занимал Пустынно-Никольский монастырь, игравший в XIV—XVI вв. заметную роль в жизни города. Судя по многочисленным дарственным актам, его земельные владения по размерам уступали разве что владениям Печерского монастыря.

Продолжалась жизнь и на Клове. Исследования 1974 г. раскрыли жилище XIV—XV вв. с печью, сложенной из плинфы повторного использования. Жилище стояло на южной стене Кловского собора XI в., который к этому времени уже был разобран. В одной из лент фундамента храма обнаружили пражский грош Вацлава IV (1378—1418 гг.).

Возможно, монастырь настолько пострадал от нашествия 1240 г., что не имел достаточно средств для восстановления собора и последний был разобран вместе с фундаментами. О причине разборки храма можно только выдвигать различные догадки. Исследователи (И. И. Мовчан, В. А. Харламов) предполагают, что мощный и влиятельный сосед — Печерский монастырь — приложил усилия для устранения конкурента и печерские монахи разобрали строения Клова.

Добавим также, что, вполне вероятно, в этом сыграли какую-то роль конструктивные просчеты при строительстве собора. Его купол рухнул уже вскоре после сооружения здания. Возможно, аналогичный случай мог произойти и позднее (хотя бы во время землетрясений). Последний раз Кловский монастырь упоминается древнерусскими летописями в 1115 г.

С другой стороны Киева, на Дорогожичах, было фамильное гнездо Ольговичей — Кирилловский монастырь. Мы не имеем никаких свидетельств о его судьбе в XIV—XV вв., но то, что и сегодня многочисленные экскурсанты посещают этот замечательный памятник древнекиевского зодчества, говорит само за себя: в 1240 г. он не был разрушен. Возле него был найден клад XIII в. из 200 бухарских монет.

В этом же районе в 1870 г. обнаружена громадная братская могила, в которой находилось около 4 тысяч скелетов. Н. И. Петров предполагал, что «она представляет один из результатов опустошения Киева в 1482 г. крымским ханом Менгли-Гиреем» и отсюда делал вывод о значительной заселенности этой части города в XIV—XV вв.

В позднесредневековье время был заселен левый берег Днепра напротив Киева. Местность в районе современной Выгуровщины носила название Милославичи. Сюда в 1396 г. приезжал «на лови» князь Скиргайло. Здесь находился загородный двор и замок Олельковичей. В начале XVI в. замок уже не существовал. Очевидно, он был уничтожен в

1482 г. На левом берегу также находили монеты Владимира Ольгердовича, керамику этого периода.

Продолжалась жизнь и в таких городах-крепостях, охранявших подходы к столице Древней Руси, как Белгород и Вышгород. Оки упоминаются в «Списке городов Киевских» конца XIV в., а также в некоторых западнорусских летописях. Об этом же свидетельствуют две раскопанные в Вышгороде гробницы из овручского шифера. В первой, обнаруженной в 1844 г., найден крест с надписью 1492 г. А в 1853 г. в огороде священника была открыта другая гробница со скелетом, на пальце которого находился перстень, а рядом лежала медная церковная печать, сюжет которой позволяет предположить, что в этот период в Вышгороде существовала Вознесенская церковь.

Таким образом, краткий обзор исторической топографии Киева второй половины XIV—XV вв., показывает, что жизнь в это время продолжалась во всех исторических районах города (хотя и не такая интенсивная, как в древнерусский период).

КУЛЬТУРА КИЕВА

Мало, слишком мало еще известно о киевских памятниках искусства и письменности позднесредневекового периода. Трудно было возрождаться искусству после 1240 г. Многие искуснейшие «златокузнецы», иконописцы, переписчики книг, миниатюристы погибли, были угнаны в плен, бежали от врага. Потеря лучших мастеров, сужение материальной базы для создания произведений искусства (отсутствие драгоценных металлов) и написания иллюстрированных рукописей привели к определенному снижению художественного уровня памятников искусства.

И все же высокие традиции древнерусской культуры не заглохли. Пускай далеко не в прежнем объеме, не всегда на прежнем уровне, но они поддерживались и развивались дальше.

Но почему же в таком случае мы так мало знаем о памятниках культуры Киева этого времени?

На наш взгляд, это объясняется рядом объективных и субъективных факторов. Главные из них — бурная и подчас трагическая история города в последующие столетия и несовершенство современных методов исследования.

Определить, к какому культурно-художественному центру принадлежит то или иное произведение (если отсутствуют надписи, данные о месте и времени изготовления, характерные типичные черты), чрезвычайно трудно.

Если в живописи еще можно выделить определенные направления, то значительно сложнее с произведениями мелкой пластики. Исследователь древнерусского искусства Н. Г. Порфиридов пришел к выводу, что на современном этапе «в целом для большинства местных центров устанавливать принадлежность к ним произведений мелкой пластики по одним стилистическим признакам рискованно. Это значило бы «неизвестное определять неизвестным». Опирается при атрибуции только на местные иконографические особенности памятника, по его мнению, также преждевременно.

Из-за того что стилистический анализ часто весьма субъективен, при атрибуции обычно исходят из места находки памятника. Этот путь все еще остается решающим и основным.

При изучении киевских памятников следует помнить ту специфическую ситуацию, в которой находился город на протяжении нескольких столетий. Вещи из Киева могли оказаться в Монголии и Польше, в Золотой Орде и Литве, в Москве и Вологде. Былины киевского цикла сохранились лишь на русском Севере, но место их происхождения не вызывает никакого сомнения. Так и многие вещи, взятые в музеи из ризниц северных (да и не только северных) монастырей, могут оказаться работой киевского мастера XIII—XV вв.

Поучительна в этом отношении история изучения новгородской мелкой пластики. Большая часть памятников почти механически была отнесена к Северо-Восточной Руси, и только относительно недавно было доказано их новгородское происхождение.

Характерна и история изучения шиферной иконки с изображением Бориса и Глеба, происходящей из рязанского Солотчинского монастыря. Исследователи единодушно считают, что местом изготовления этой иконки была Старая Рязань с ее высокоразвитым культом Бориса и Глеба. Атрибутация солотчинского рельефа усложнилась в связи с появлением другой уникальной шиферной иконки, близкой по стилистике и манере исполнения, найденной в 1972 г. в Новгороде. А. В. Рындина пришла к выводу, что либо обе иконки происходят из одной мастерской в Центральной Руси, либо заезжий мастер выполнил вторую в Новгороде. Рязань, по ее мнению, была настоящим «оазисом» древнерусских традиций. А заметное влияние византийского и южнорусского искусства объясняется контактами Рязани с Черниговом.

Однако В. Л. Янин убедительно показал широкую популярность культа Бориса и Глеба в новгородской городской среде. Особенности этого культа в Новгороде стали прослеживаться и на материалах мелкой пластики.

Но ведь Борис и Глеб — сыновья киевского князя Владимира Красное Солнышко. Под Киевом, в Вышгороде, находился храм-мавзолей «святых великомучеников». А в Борисполе стоял еще один посвященный им храм. Известна Борисоглебская церковь на Подоле. Логично предположить, что и в Киеве был распространен культ Бориса и Глеба и некоторые иконки с их изображением были созданы здесь.

Исследователи борисоглебской иконки признавали в ней главенствующими византийскую и южнорусскую традиции. Южнорусскими (то есть фактически киевскими) были истоки иконографии и некоторых черт ее стиля. Наиболее точными аналогами являются южнорусские актовые печати XII в. Воздействие древнейшей надгробной иконы Бориса и Глеба (киево-вышгородской) заведомо определило архаический строй рязанского рельефа, причем не только его типологию, но и стиль. При сопоставлении иконки с иконой рубежа XIII—XIV вв. из Киевского музея русского искусства искусствоведы отмечают нечто общее в понимании силуэта и разработке ритмических нюансов.

Однако все эти наблюдения не привели даже к рабочей гипотезе о возможности создания памятника в позднесредневековом Киеве, хотя о сохранившихся традициях свидетельствует великолепный рельеф XIV в. из Печерского монастыря. Да и запасы шифера находятся недалеко от Киева. А Рязань пострадала от Батые в любом случае не меньше Киева.

Мы не собираемся оспаривать существующую атрибуцию солотчинского рельефа, это дело специалистов-искусствоведов. Просто этот пример очень наглядно показывает характерное отношение к проблеме и необходимость тщательного изучения всех вариантов ее решения.

Еще один вывод, связанный с новгородским опытом: у многих исследователей существует тенденция к удревнению памятников. Как показало изучение новгородской пластики, данная ошибка очень распространена, поскольку архаизация под воздействием образцов XII—XIII вв. характерна для местной резьбы XIV в. Возможно, и некоторые киевские памятники, которые традиционно относят к XII—XIII вв., следует датировать XIV в. Во всяком случае, следует их исследовать и под таким углом зрения.

Много киевских памятников XIII—XV вв. было в свое время вывезено из города.

Вспомним, что для украшения церквей в г. Холме Даниил Галицкий в 1259 г. дает украшенные драгоценными камнями иконы, «еже принесе ис Киева». Тогда же он «и колоколы принесе ис Киева». Предметы культа (кресты, панагии, дарохранительницы, ковчеги-мошевики и т. д.), разнообразные книги увозили из Киева епископы, назначенные в другие земли, митрополиты, отправлявшиеся на северо-восток, просто переселенцы и выходцы из Киева.

Так, Серапион — известный книжник — мог забрать с собой во Владимир и большую библиотеку. То же можно сказать и о переселившемся в 1299 г. во Владимир митрополите Максиме. Киевский боярин Родион Несторович, который перебрался из Киева в 1332 г. со своим двором в 1700 человек, надо полагать, тоже приехал не с пустыми руками.

Разнообразные культурные связи поддерживал Киев с городами Северо-Восточной Руси и через митрополию. Из Киева как из древнего и традиционного центра привозили туда иконы, различные предметы церковной утвари — истинные памятники прикладного искусства, которые затем хранились в сокровищнице митрополита, в ризницах многих северных монастырей. Например, в московском храме Положения ризы богородицы во Влахернах в Кремле (который был домовым храмом русских митрополитов, а затем и патриархов) находилась икона Печерской богородицы, являвшаяся домовою иконой митрополитов. Такое же изображение помещалось и на митрополичьей печати. Известную Свенскую икону заказал в Киеве брянский князь Роман Михайлович — сын бывшего великого князя киевского Михаила Всеволодовича, убитого в 1245 г. в Золотой Орде,

О богатейшей сокровищнице Софийского собора упоминают документы XV в. Многими сокровищами обладали и другие монастыри, церкви, крупнейшие феодалы. Большинство хранившихся там памятников погибло или было вывезено во время разгрома Киева в 1482 г. Золотое блюдо и потир из Софии были посланы ханом в дар великому князю Ивану III.

Существуют и другие известия о передаче икон или книг из Киева в другие места. Известна, например, икона, которую Дионисий привез в основанный им Печерский монастырь в Нижнем Новгороде. Икона происходит, вероятнее всего, из иконописной мастерской Печерского монастыря.

Много рукописных книг (а также, вероятно, и предметов искусства) из Киева оказалось в Супрасльском Благовещенском монастыре, который занимал видное место в истории белорусской культуры XVI — XVII вв.

Супрасльский монастырь был заложен в 1498 г. Александром Ходкевичем совместно с архиепископом смоленским Иосифом Солтаном. А. Ходкевич был сыном киевского воеводы и вместе с ним попал в плен к Менгли-Гирею. После возвращения из плена занимал должность новгородского воеводы и маршалка Великого княжества Литовского и Русского. И. Солтан уже через несколько лет (1504) стал киевским митрополитом. Так что оба fundатора монастыря были тесно связаны с Киевом. Первыми его монахами были выходцы из Печерского монастыря. Показательно, что приделы в монастырском соборе были названы в честь Феодосия Печерского и Бориса и Глеба.

Монастырь в XVI в. располагал большими материальными и культурными ценностями. Его библиотека была одной из богатейших. Согласно описи, составленной в 1645 г., в ней насчитывалось 587 рукописных книг. Среди них одна из древнейших кириллических рукописей — знаменитая Супрасльская четья-минья XI в. Хорошо известны Супрасльская летопись (содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенную летописи), а также Супрасльский список западнорусской летописи 1519 г. Эти летописи содержат ценные сведения о Киеве XIV—XV вв.

В Супрасле проявляли интерес и к событиям, происходящим в Киеве в более позднее время. Об этом свидетельствует, например, запись на рукописи Козьмы Индикоплова «Космография» (XVI в.): «А как Киев изжог Менгирей тому 107 лет». На рукописи «Слова Григория Богослова» сохранилась запись: «1598 служил ту в Супрасли дяк Михаила с Киева», говорящая о продолжающихся прямых контактах с Киевом.

Несомненно, кроме указанных рукописей из Киева в Супрасль могли попасть и многие другие, которые датируются XIII—XV вв., а также иконы этого периода.

Таким образом, вырисовывается достаточно много различных путей, которыми происходила «утечка» киевских памятников, оседавших затем в разных центрах Литовского и Московского государств.

Высокий уровень киевского искусства конца XIII в. удостоверяет такая известная икона, как «Печерская богоматерь», обнаруженная в Свенском монастыре под Брянском. На ней изображена богоматерь, сидящая на троне, с Антонием и Феодосией по бокам. Этой работе свойственны новые особенности: резко выраженные индивидуальные черты Антония и Феодосия, переданные скупыми и сдержанными приемами. Лица их суровы, фигуры величественны.

В иконе «Николай Зарайский с житием» (начало XIV в.) уже заметно, как в искусство все больше проникают вкусы демократических слоев общества. Суровые и аскетические образы святых значительно смягчаются. По преданию, эту икону привез из Киева в Москву боярин Протасий, куда он переехал с тремя тысячами киевлян. В память о родном городе они назвали урочище на берегу Москва-реки Киевцем. Там была построена Николаевская церковь, куда и поместили реликвию.

Известны также «Максимовская богоматерь» (начало XIV в.), «Петровская богоматерь» (XIV в.), а также легендарная «Игоревская богоматерь». Все они связываются либо с Киевом, либо с его традициями.

Монументальная живопись Киева этого периода до наших дней не дошла. Фрагменты фресковой росписи, обнаруженные в 1975 г. при раскопках церкви Рождества Богородицы на Подоле, являются, пожалуй, единственным ее свидетельством.

Однако известно, что киевские мастера-монументалисты работали в других городах. Киевские и волынские мастера строили и расписывали Николаевскую церковь в Вильно. С ними связывают росписи Вавеля в Кракове, Сандомира, Люблина. В Люблине в 1418 г. трудилась целая группа живописцев во главе с мастером Андреем. В Пскове в 1409 г. киевский монах Антоний расписывал Троицкий собор. Искусствоведы отмечают работы киевских художников в Житомире, Чернигове, Твери.

Заметное место в искусстве Древней Руси занимала мелкая пластика. Иконки, крестики, змеевики, сделанные из металла, камня, кости и дерева, были широко распространены среди разных социальных слоев населения.

Изготовление мелкой пластики не прекратилось и после Батыева вторжения, хотя масштабы ее производства значительно сократились. Историки культуры еще весьма далеки от возможности дать сегодня исчерпывающую характеристику киевских произведений древнерусского периода. Находки позволяют судить об их качественной и стилевой многослойности, но обобщить материал пока не удается.

Среди работ киевских мастеров позднесредневекового времени можно назвать литую иконку (первая половина XIV в.) с двусторонним изображением Николая и Георгия Змееборца, найденную на Киевщине. Известен рельеф с изображением конных Бориса и Глеба в почти квадратном узком обрамлении (XV в.).

На Подоле найдена медная иконка XV в. с изображением стремительно движущегося конного Георгия Змееборца. Она отличается продуманными пропорциями, тщательной проработкой деталей. Еще одна более примитивно выполненная иконка с Георгием Змееборцем хранится в Государственном историческом музее СССР. Очевидно, она сделана раньше, чем предыдущая.

К киевской металлопластике XIV в., возможно, принадлежит и медный литой змеевик, обнаруженный в 1979 г. С. Р. Килиевич в Десятинном переулке (о нем уже шла речь).

При раскопках Пирогощи обнаружен медный литой крест-мошевик, в центре которого расположен благо-славляющий Христос с библией, на боковых крыльях — поясные изображения Марии и Иоанна Предтечи. Изображения литые, но детали подправлены или нанесены резцом. Надписи выполнены довольно небрежно резцом.

В. А. Харламов в 1977 г. на Замковой горе нашел лицевую створку бронзового креста-энколпиона. На нем помещено распятие, Мария и Иоанн Богослов, по бокам расположены маленькие фигурки архангелов. Над головой Христа три голубя. Крест распятия восьмиконечный. Изображения грубоватые, фигуры непропорциональные, со

слишком большими руками и лицами. Энколпион имеет усложненную ломаными очертаниями форму, мало похожую на крест. Такие квадрифолии больше характерны для позднесредневекового времени. Так его и датировал автор находки.

Подобные кресты, отличающиеся лишь в незначительных деталях и манерой изображения, известны археологам. Б. И. Ханенко еще в 1902 г. писал о створках-двух из них. Один (найденный в Лебедине) он датировал XII в., другой — XIII в. Лицевая сторона такого же энколпиона найдена во время раскопок на Славне в Новгороде в слое XIV—XVII вв. Еще два обнаружили на территории Золотой Орды — в городище Увек (ныне — Саратов).

Эти аналогии позволили судить и об оборотной створке киевского креста, которая не была найдена в 1977 г. На ней в центре, очевидно, находилась большая фигура сидящей на троне богоматери с младенцем на коленях. По бокам — фигурки архангелов, помещенных в профиль и протягивающих к ней руки. Столбики трона были витые, хорошо заметна подушка, на которой она восседает.

Изображение богоматери на троне с младенцем на коленях — сюжет, для Руси довольно редкий. Он соответствует иконографическому типу Печерской богоматери, что связано с храмовой иконой Успенского собора Печерского монастыря. Это позволяет связать подобные энколпионы с лаврской художественной мастерской или, по крайней мере, заказом, выполненным киевскими ремесленниками.

Датирование Б. И. Ханенко этих энколпионов XII—XIII вв. не было подкреплено вескими аргументами.

А квадрифольная форма и культурный слой, где найдена одна створка, позволяют говорить о второй половине-XIII—начале XIV в.

Находки из Увека не противоречат такой датировке-Летописи, свидетельства иностранных путешественников, документы говорят, что поток пленных из Руси не прерывался на протяжении середины XIII—начала XV в. Массовый угон людей в Орду либо увод в рабство недоимщиков касался и Киева.

Могли попасть туда кресты вместе с православным: духовенством, которого было немало в Золотой Орде. В 1261 г. там учредили Сарайскую православную епархию во главе с епископом. Археологические исследования золотоордынской территории показали, что во всех более или менее крупных пунктах были русские церкви, или часовни. Таким образом, вполне вероятно, что кресты, сделанные уже после Батыева нашествия, попали на территорию Золотой Орды.

Вся эта серия крестов показывает, что в Киеве даже после нашествия Батыева, очевидно при Печерском монастыре, работали достаточно квалифицированные мастера.

Замечательным образцом искусства киевских резчиков по дереву является кипарисовый крестик, найденный¹ на Выдубичах. На лицевой стороне в центре находится изображение богоматери с младенцем. Справа и слева от нее — погрудные изображения Антония и Феодосия; Печерских. Вверху и внизу — также погрудные фигуры евангелистов Матвея и Марка. На оборотной стороне вырезана композиция распятия с предстоящими Марией и Иоанном Богословом. Рядом изображены евангелисты Лука и Иоанн. Мастер в совершенстве владел? плоской резьбой по дереву. Крестик отличается декоративностью и вместе с тем строгостью решения. Такой сдержанный и одновременно изысканный стиль плоской резьбы приобрел широкое распространение на Украине с конца XV в.

Изображение на крестике местных святых свидетельствует о работе киевского резчика. Историк И. П. Крипякевич, изучая многочисленные акты XVII в., показал, что главными центрами резьбы по дереву на Украине, откуда шли многочисленные деревянные кресты, в этот период были Киев и Крехов. Киевские кресты изготовляли мастера-мещане, объединенные в иконописном цехе. О более раннем времени та- «их документов не сохранилось. Однако к XVII в. резьба по дереву в Киеве должна была уже иметь устойчивые традиции, которые своими корнями уходят в XV в.

Некоторые аналогии, такие, как, например, крест XV в. из музея киевской духовной академии и иконостас-складень XV—XVI вв. из Каменец-Подольска, очень близки к выдубицкому кресту. Во всяком случае, он дает отчетливое представление о стиле и мастерстве киевских резчиков по дереву и XV в.

Очень интересна небольшая двусторонняя иконка с изображением св. Николая и богородицы, найденная при раскопках Пирогощи в 1979 г. Это резьба по кости. Частично сохранился серебряный оклад, украшенный сканью. Орнамент из витой серебряной проволоки довольно прост: в кругах, диаметр которых равен ширине рамки, находились 3—4 мелких кружка. Такие же кружки напаяны в свободном пространстве между большими кругами. В углах оклада помещались гнезда для рубинов, один из которых сохранился в правом верхнем углу. В крупном квадратном ушке было граненое зеленое стекло, имитировавшее изумруд. Вероятно, со временем камень был заменен стеклом.

На лицевой стороне находится изображение богородицы с младенцем. Здесь же вырезаны греческими буквами их монограммы. На другой стороне — изображение св. Николая и надпись «Никола».

Здесь же, на Пирогоше, обнаружили золотую серьгу XIV—XV вв. Кончик у нее отломан, но хорошо известны аналогичные находки. Такие серьги состояли из проволочного стержня, изогнутого в виде вопросительного знака, на конец которого надевалась бусина (обычно из янтаря, яшмы, цветного стекла). Для плотного закрепления бусин стержень обвит проволокой, а кончик загнут петлей.

Выдающимися произведениями киевского искусства XIV—XV вв. являются знаменитые рельефы из Печерского монастыря. Первый, более ранний, следует отнести к XIV в. На плите из розового овручского шифера вырезана фигура Марии Оранты, которая повторяет мозаичное изображение Оранты XI в. из центральной апсиды Успенского собора.

Рельеф сохранился не полностью: отсутствует его нижняя часть. Плита по бокам украшена растительным орнаментом из стилизованных дубовых листьев, положенных один за другим и создающих таким образом ритмичный рисунок. В середине — стройная фигура богородицы в молитвенной позе с поднятыми вверх руками. Кроме монограммы у нимбы, на плоскости плиты какие-либо украшения отсутствуют. Изысканность силуэта, утонченная ритмика соединяются с теплотой и непосредственностью. Некоторые исследователи видят определенную близость в исполнении этого рельефа с миниатюрами Киевской псалтыри 1397 г.

В 1470 г. по заказу Семена Олельковича был выполнен рельеф-триптих с изображением Оранты, Антония и Феодосия. Триптих находился на внешней стороне центральной апсиды Успенского собора, но во время ремонта в 90-х годах XIX в. его перенесли и замуровали в стене большой лаврской колокольни. На рельефе была такая надпись: «Основана бысть церковь пресвятая Богородица Печерская на старом основании при великом, короли Казимире благоверным князем Семеном Александровичем отчичи Киевском при архимандрите Иоанне».

Композиции рельефа с Орантой и триптих 1470 г. очень схожи между собой, что и понятно: у них общий прототип и общая живописная школа. Но в триптихе есть и свои особенности, отражающие время, когда он был создан. Так, в середине рамки из дубовых листьев мастер поместил еще арочный портал. Пропорции Оранты не такие изысканные и не такие гармоничные, голова непропорционально большая. Складки подаются не так ритмично. Рельеф приобретает большую объемность, детали смоделированы более мягко и округло.

Фигуры Антония и Феодосия намного меньше Оранты, но вместе с ней создают единую целостную композицию. Заметно стремление отобразить их индивидуальные черты, передать фигуры как можно ближе к действительности, лишиться скованности, жесткой симметрии. Для усиления впечатления персонажи триптиха были расписаны разноцветными красками.

Наряду со станковой живописью продолжала существовать и книжная миниатюра. Г. Н. Логвин считает, что в Киеве 1285 и 1299 гг. была переписана и проиллюстрирована до 152 листа «Хроника Георгия Амартола» (IX в.), которую заказал тверской князь. Заканчивали оформлять рукопись уже в Твери. В целом исследователи отмечают, что тверское искусство имеет, безусловно, киевские корни.

Значительное место в истории искусства занимает Киевская псалтырь, украшенная 303 миниатюрами. Иллюстрировал ее превосходный художник. Прежде всего поражает сочетание небольших ярких, свежих миниатюр с монументальным и ритмичным текстом, выведенным густыми чернилами. Миниатюры исполнены движения: люди жестикулируют, бегут, падают: стремительно несутся всадники. Краски рисунков яркие, радостные, как бы освещенные солнцем.

О месте и времени создания Киевской псалтыри мы узнаем из приписки в конце рукописи. Тут указано место ее написания, дата, имя заказчика, а также имя и звание переписчика: «В лето 6905 (1397.—Г. И.) списана бысть книга сия Давида царя повелением смиренного владыки Михаила рукою грешного раба Спиридона протодиакона. А писана в граде в Киеве».

Киевская псалтырь является также памятником, отражающим достаточно тесные связи Москвы и Киева в XIV в.

Прежде всего напомним, что связи между различными территориями, некогда входившими в Древнерусское государство, в XIV в. были достаточно крепкими. В Москве жили немало выходцев из Киева и из других русских земель, входивших в состав Литовско-Русского государства. Мы упоминали уже о Дионисии, Стефане, Несторе Радионовиче. Добавим, что митрополит Петр (начало XIV в.) был выходцем из Волыни. Кстати, он был хорошим иконописцем. А знаменитый герой Куликовской битвы Пересвет был уроженцем Брянска, Киприан, много лет проживший в Киеве, осуществлял тесные связи со своими единомышленниками, прежде всего с Сергием Радонежским и Афанасием Высоцким (последний переехал в 1382 г. в Киев).

Киприан находился в Киеве в 1374—1390 гг. (за исключением краткого пребывания в Москве в 1381—1382 гг. и поездок в Константинополь), затем был здесь в 1396;—1397 гг. и 1404—1405 гг. В Киеве, по мнению Б. А. Рыбакова, в окружении митрополита был создан «Список городов русских». Отсюда он вел обширную переписку. Надо полагать, что Киприан окружал себя «книжными людьми», которые вряд ли оставались в Киеве без дела и не создали здесь абсолютно никаких произведений. Своих людей Киприан забрал с собой в 1390 г. при переезде в Москву. Все это говорит о возможной близости ряда московских памятников и Киевской псалтыри. Они были созданы в одной среде.

Весьма характерна для подтверждения этого биография другого протодиакона Успенского собора в Москве— Арсения. Он был постриженником Печерского монастыря и приехал в Москву вместе с Киприаном в 1390 г. Затем Арсений был поставлен в тверские епископы. Он много сделал для тверского книгописания в церковного строительства. Им основан Желтиков монастырь (1394), возведен каменный Успенский собор (1404—1406). Арсений был инициатором создания тверского летописания. До нас дошла бумажная Лестница 1402 г., переписанная им с оригинала, собственноручно написанного Киприаном в 1387 г. В 1406 г. «замышлением» епископа была создана Арсеньевская редакция Печерского Патерика. Таких книжников в окружении Киприана было немало, и многие из них жили и работали в Киеве, а позднее могли переехать в другие русские культурные центры.

Книгописание в Киеве продолжалось уже во второй половине XIII в. Это превосходно показано в работах Я. М. Щапова о Киевской кормчей. В 60-х годах активную деятельность по восстановлению памятников письменности и особенно юридических кодексов развернул в Киеве митрополит Кирилл. В 1262 г. он выписывает из Болгарии Сербскую кормчую, представлявшую собой последнее достижение византийско-

славянской канонической и юридической мысли. Ее список прислал «преосвященному архиепископу Кирилу преславного града Киева, учителя же всей Руси и светилника церквам богоспасенаго града Киева» болгарский князь Святослав (выходец из Руси). В Киеве при митрополичьей кафедре с использованием ее библиотеки и привлечением к работе местных книжников-юристов Сербская кормчая была объединена с русскими памятниками и переработана в новую Киевскую кормчую.

В первые годы деятельности митрополита Максима в начале 80-х годов в Киеве была написана (на базе предыдущей) еще одна кормчая. На ее основе повелением князя Владимира Васильковича в 1286 г. во Владимире-Волынском была создана Волынская кормчая. Известная Рязанская кормчая переписана в 1284 г. со списка, присланного митрополитом Максимом из «преславного града Киева», как свидетельствует сохранившаяся на ней запись.

Так Киевская кормчая очень быстро получила распространение на всей огромной территории киевской митрополии, в Молдавии, Литве. Это свидетельствует о высокой квалификации киевских книжников, а также о том, что новая кормчая отвечала потребностям феодального общества Руси этого времени.

Напомним, что самим Кириллом или кем-то из его ближайшего окружения были написаны такие выдающиеся произведения, как «Жизнеописание Даниила Галицкого» и «Житие Александра Невского».

Деятельность киевских книжников «подтверждает мнение тех ученых, которые отрицали полное запустение древней столицы», — подчеркивал историк Древней Руси В. Т. Пашуто. Этим опровергается также и распространенное мнение о пресечении местной письменной традиции в период после Батыева нашествия.

Выдающимся писателем был архимандрит Печерского монастыря Серапион. До нас дошли пять его «Слов», которые ярко отображают реальные условия жизни на Руси середины XIII в. Это блестящие образцы ораторской, проповеднической прозы того времени.

Конечно, в Киеве, поставлявшем ученые и церковные кадры в другие княжества, где жили такие выдающиеся писатели и организаторы книжного дела, как Киприан и Григорий Цамблак, книгописание должно было развиваться и дальше. Киприан, например, «книги своею рукою писаше» и был «всякого любомудрия и разума божественного исполнь и велми книжен и духовен зело».

Киприан и Григорий Цамблак написали немало грамот, «слов», посланий, житий, проповедей и т. д. в период своей киевской деятельности. Им свойствен риторический стиль, обилие метафор, экспрессия, драматизированное описание природы, подчас тонкая ирония. Последняя особенно заметна, например, в «Слове о почивших» Григория Цамблака, где описывается богач, которому ни днем ни ночью не дает покоя его всепожирающая жадность.

Большое значение для развития книжной культуры Киева имели связи с центрами Центральной и Западной Европы. Киевляне получали образование в Краковском, Пражском, Падуанском, Болонском, некоторых немецких университетах. Прочные связи поддерживались и с Сорбонной (Парижским университетом). Например, в 1389 г. в Сорбонне учился «Геофил Гниверба из Киева», а в списке за 1397 г. числится «Герман Вилевич, лицензиат языков и бакалавр рутенской нации из Киева». Г. А. Нудьга отмечал, что путь в Париж из Киева в те времена был достаточно известным и проторенным, поэтому и в XV в. киевляне не были редкими гостями в Сорбонне. Среди них известны два доктора — Бенедикт Сервин и Иван Тынкевич.

Культурные связи Киева с Западной Европой в XIV—XV вв. мало изучены и в различных литературоведческих и искусствоведческих работах совершенно не учитываются. Между тем было бы крайне интересно рассмотреть под этим углом зрения многие памятники ремесла и искусства.

Некоторые фрагменты летописей, например «Повесть о смерти Скиргайло», позволяют предположить, что летописание велось и в Киеве или же автор был киевлянином. Из контекста рассказа об отравлении Скиргайло ясно, что автор в это время находился в Киеве, но был еще весьма юным по возрасту.

Большое значение для истории развития литературы представляют три редакции XV в. Киево-Печерского патерика. Первая осуществлена в Твери в 1406 г. по указанию епископа Арсения.

Во второй половине XV в. в связи с общим подъемом экономической и культурной жизни Киева началась работа над редакцией патерика уже в стенах самого Печерского монастыря. В 1460 г. при архимандрите Николае «повелением инока Касияна, крилошанина Печерского на имя священноиноку кир Акакию, бывшего наместника Киевскаго» была сделана (независимо от Арсеньевской) так называемая первая Касияновская, или Акакиевская, редакция. В работе над ней принимал участие также некий монах Иван.

В патерик вошло несколько новых статей: «Слово о перенесении мощей Феодосия Печерского» и ряд летописных известий (пострижение Николая Святоши, смерть Поликарпа и избрание на его место попа Василия). Появляется несколько раз имя автора некоторых «Слов», входящих в патерик («Нестора, мниха обители монастыря Печерскаго»). Значительно обновился и язык основных статей памятника.

Через некоторое время Касиан (ставший уже уставником Печерского монастыря) осуществил свою новую редакцию, которую завершил 10 апреля 1462 г. Ее обычно называют II Касиановской редакцией. Отдельные статьи патерика редактор расположил теперь в хронологическом порядке. Время пострижения Антония (совпадавшее в более ранних редакциях с Повестью временных лет: 1051 г.) переносится во времена князя Владимира. А. А. Шахматов предполагал, что у Касиана была неизвестная нам Печерская летопись.

В 1474 г. здесь же в Печерском монастыре «диаконом Ондреем тверитином» написан известный рукописный сборник «Златоструй».

Вполне возможно, что именно в Киеве были созданы и некоторые из известных нам сборников, повестей, поучений («Измарагд», переводные повести о трех королях, о Таудале-рыцаре, «Александрия», «Троянская история», «Сказание об индийском царстве»), которые написаны на белорусско-украинском языке XIV—XV вв. и получили широкое распространение.

Большое значение для изучения истории письменности Киева этого периода имеют граффити, обнаруженные С. А. Высоцким в Софийском соборе. У некоторых граффити прямая датировка (1257, 1259, 1285, 1380 гг. и т. д.). Граффити 1257 г. представляет собой самую раннюю достоверную запись, сделанную после разгрома Киева войсками Батыя: «В лето 6765 (1257.—Г. И.) месяца апреля в 6...» дальше произошел обвал большого фрагмента древней штукатурки и, к сожалению, окончание записи навсегда утрачено.

Еще одна запись с прямой датой: «В лето 6793; (1285.— Г. И.) преставися раб божий Захария месяца февраля в день на память светого Федора Тирена (17), в субботу». Вообще поминальные записи встречаются довольно часто: «Месяца августа в 25 преставися раба божия Анна, попадьа Семенова или «Месяца июня в 12 день престася раб божий Иван».

Обнаружено граффити с указанием профессии автора записи: «Господи помози рабу своему Лазорю забойнику». «Забойником» называли плотника, строившего «забои» (загородки для скота или корабли, с дополнительно обшитыми досками бортами — «забойные» или «набойные»).

Представляет интерес запись в главном алтаре о митрополите Феогносте: «Грешному митрополиту Феогносту всея Руси многие лета». Употребление титула «митрополит всея Руси» является, судя по всему, одним из наиболее ранних. Запись сделана, по-видимому, в 1328 г., когда «приде на Русь митрополит Гречин именем Феогност». Он

прибыл в Киев для поставления в митрополиты в Софийском соборе, а затем отправился в Москву. Во время торжественной церемонии и могла появиться данная надпись. Возможно, правда, что граффити сделано несколько позднее в 1332—1334 гг., во время пребывания Феогноста в Киеве и на Волыни.

Тематические надписи XIII—XV вв. представлены памятными, благопожелательными, а также относящимися к фресковым изображениям текстами. Кроме того, в это время опять появляются поминальные граффити, аналогичные по форме и близкие по содержанию подобным надписям XI в. В целом надписи этого периода свидетельствуют о постепенном сужении кругозора их авторов, отражающих в записях в основном свои узкоместные интересы. Авторы—чаще всего софийские клирики — и их внимание главным образом сосредоточено на фиксации умерших лиц софийского клира. Много записей такого типа: «Месяца апреля (...) день скончался Науменич был дяком (...) во Софии».

В настоящее время исследовано и опубликовано около сотни граффити XIII—XVII вв. Большая часть их относится к XII—XIV вв. (75). В конце XV — начале XVI в. количество надписей резко сокращается, что, по-видимому, соответствует тяжелому положению Киева в этот период. Во второй половине XVI—XVII вв. их количество начинает возрастать. Интересно, что наряду с надписями на украинском, русском и польском языках на стенах Софии обнаружены и армянские граффити.

Находки достоверных записей XIII—XV вв. проливают свет на уровень письменности и вообще культуры того времени и опровергают тезис о полном отсутствии культурной жизни Киева в позднесредневековый период.

Палеографическое и лингвистическое изучение граффити показывает непрерывность письменных традиций в Киеве, а также то, что развитие письменности в XIII—XV вв. происходило на древнерусской основе.

Итак, и в эти тяжелые для Киева времена, в XIII—XV вв., продолжали создаваться произведения искусства и письменности, не прекращалась культурная жизнь. Конечно, ее трудно сравнивать с процветающей и разносторонней культурой Киева XI—XII вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев Ю. С. Древний Киев. — М.: Госстройиздат, 1956.—109 с.
 Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. — Киев!: Наук, думка, 1976.—455 с.
 Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. — М.: Наука, 1975.—519 с.
 Логвин Г., Міляева Л., Свенцицька В. Український середньовічний живопис. — К.: Мистецтво, 1976.—135 с.
 Куликовская битва. — М.: Наука, 1980.—319 с.
 Татаро-монголы в Азии и Европе. — М.: Наука, 1977.—502 с.
 Толочко П. П. Киев и Киевская земля XII—XIII веков. — Киеве Наук, думка, 1980.—123 с.

Много, очень много неизвестного и неясного в истории Киева XIII—XV вв. Однако для того и работают ученые, чтобы открывать тайны давно ушедших столетий. Общий труд историков и археологов, искусствоведов и архитекторов, лингвистов и этнографов раскроет и осветит еще не одну неизвестную страницу полуторатысячелетней истории древнего города.

ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ ИВАКИН
 КИЕВ В XIII—XV ВЕКАХ

Утверждено к печати Ученым советам Института археологии АН УССР и Редакционной коллегией научно-популярной литературы АН УССР

Заведующий редакцией А. М. Азаров

Редактор А. Г. Пеккер Художественный редактор Б. И. Прищепа Оформление художника В. М. Флакса Технический редактор В. А. Краснова Корректор Э. Я. Белокопытоза

Информ. бланк № 5322.

Сдано в набор 06.11.81. Подн. в печ 060582, БФ 01664. Формат 84X108 1/32. Бум. тип. " № 1. Лит. гарн. Вые. печ. Усл. печ. л. 5,46. Уел. ,кр.-отт. 5.98. Уч.-изд. л. 5,56. Тираж 25000 экз. Заказ №413. Цена в обл. на мел. бум. 240 г — 25 к., в обл. на мел. бум. 120 г — 20 коп.

Издательство «Наукова думка». Киев, ГСП, Репина, 3.

Областная книжная типография, 320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20.